Чистый продукт. В поисках идеального виски

Автор:
Иэн Бэнкс

Чистый продукт. В поисках идеального виски

Иэн М. Бэнкс

Интеллектуальный бестселлер

Это книга не совсем обычная. По меткому замечанию обозревателя «Independent on Sunday», это «микс путевых заметок, очерка нравов и алкогольного гида». Впрочем, никто лучше Бэнкса о его книге не скажет: «Эта книга посвящена односолодовому виски, искусству его изготовления и радостям употребления. Но повествует она не только о виски, потому что человек – общественное существо и пьет обычно вместе с родными, друзьями или знакомыми. А если даже в одиночку, то в компании с воспоминаниями и призраками прошлого.

Эта книга – еще и о любимой мною земле и стране, Шотландии, ее людях, ее больших и малых городах, поселках и деревушках, об окружающей их природе. Это путешествие в поисках идеального виски, предпринятое с полным пониманием того, что искомого продукта, скорее всего, не существует. Ничего страшного, ведь в любом поиске важен сам процесс».

Иэн Бэнкс

Чистый продукт. В поисках идеального виски

Посвящается Гэри и Кристиане, а также памяти Джеймса Хейла

Iain Banks

RAW SPIRIT. IN SEARCH OF THE PERFECT DRAM

Copyright © 2003 by Iain Banks

© Петрова Елена, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

От переводчика. Возможны варианты

При работе над текстом этой книги Иэна Бэнкса проблема переводческого выбора стояла довольно остро. Хотелось бы отметить основные сферы вариативности (или, попросту говоря, переводческих сомнений) и обосновать принятые решения.

В литературе на русском языке (как специальной, так и популяризаторской), посвященной истории, производству и потреблению виски, отсутствует единообразие терминологии. Так, например, само предприятие, где производят виски, именуется «винокурня», «вискарня», «вискокурня», «вискикурня» и «дистиллерия».

Первый термин, «винокурня», был отброшен как откровенно вводящий читателя в заблуждение: вино и виски производятся совершенно разными предприятиями, из разного сырья и по разной технологии.

Второй термин, «вискарня», слишком близок к жаргонному наименованию «вискарь», которое справедливо отвергают все, кто с уважением относится к виски – дорогому, старинному, благородному напитку, составляющему важную часть шотландского культурного наследия.

Третий и четвертый суть варианты одного слова, которое отсылает нас к народной традиции, к истокам зарождения этого напитка и сближает

англоязычную терминологию с русской. В конце концов был выбран четвертый, так как использование термина «вискокурня» предполагало бы, что финальное «и» в слове виски является окончанием, которое уступает место соединительной гласной «о», но это не так. Принятый здесь термин «вискикурня», достаточно распространенный, сохраняет английскую основу в неприкосновенности.

«Дистиллерия» – интернациональный, прозрачный по смыслу, удобный термин.

В результате этих рассуждений и были выбраны синонимичные термины «вискикурня» и «дистиллерия».

Название самого напитка в обиходе встречается как в среднем, так и в мужском роде. В последнее время мужской род считается предпочтительным, а в среде специалистов – единственно возможным.

Термины «молт» и «односолодовый виски», «бленд» и «купаж» / «купажированный виски» уже давно используются как взаимозаменяемые.

Особую проблему составляет передача географических названий, тем более что названия сортов виски в большинстве случаев совпадают с названиями вискикурен, а те в основном называются по своему местоположению. Так, например, один из основных регионов производства виски, the Highlands, край, воспетый Робертом Бёрнсом, значится в справочной литературе как Шотландское нагорье, Горная Шотландия, а в последнее время – Хайленд. Каждый из этих вариантов имеет свои преимущества; в переводе использованы все три.

Известно, что шотландские названия зачастую обнаруживают настолько значительные расхождения в написании и произношении, что ставят непосвященного (а зачастую и посвященного) читателя/слушателя в тупик. Попробуйте предложить своим знакомым определить, как произносятся названия Glen Girioch, Allt-a’Bhainne или Bruichladdich – вряд ли вы услышите что-нибудь вразумительное, разве что попадете на подлинного знатока и ценителя виски или специалиста по гаэльской топонимике.

Стоит ли говорить, что в США названия ряда сортов виски произносятся особым образом, не так, как в Шотландии, и не так, как в Англии.

Многие авторитетные британские интернет-сайты, дающие произношение топонимов и названий сортов виски, предлагают отличные друг от друга варианты. Примером может служить Caol Ila, который рекомендуется произносить «Кал Ила», или «Кал Айла», или «Кул Ила», или «Кул Айла». В таких случаях принималось, как обычно говорится, «вкусовое» решение (в частности, из указанных транскрипций выбрана последняя).

Сам Иэн Бэнкс не раз указывает на подобные расхождения. Целая глава книги, в переводе получившая название «Не рифмуется с «налей», посвящена различиям в английском и шотландском именовании знаменитого островного региона, производящего виски. Название острова англичане произносят «Айлей», а шотландцы – исключительно «Айла». Более того, автор, шотландец, произносит название городка Muthill как «Матхилл», но при этом «готов поспорить, что местные, вопреки очевидному, произносят это название «Мутхилл» или как-то так». Очень характерна – в устах шотландца, применительно к несложному на вид топониму – эта маленькая оговорка: «Или как-то так».

Можно, как делают некоторые отечественные авторы, просто давать все названия в тексте латиницей, «пересаживая» их из подлинника. Но как тогда обсуждать текст Бэнкса с друзьями? Как обменяться впечатлениями о том или ином напитке, его истории, легендах, особенностях производства? Как подкорректировать свои произносительные заблуждения (взять хотя бы известный в России Glenfiddich)? Как, в конце концов, находясь за границей, узнать у бармена или продавца о наличии того или иного сорта? Бэнкс специально предупреждает, что бармен вполне может оказаться глуховатым или «непонятливым», так что лучше артикулировать по возможности четко. Учитывая все эти обстоятельства, в переводе книги Иэна Бэнкса эти названия русифицированы. Естественно, сохранены и оригинальные топонимы, названия вискикурен и сортов виски. Если читатель захочет самостоятельно произвести интернет-поиск, ознакомиться с зарубежными источниками или, по примеру Иэна Бэнкса и ряда российских авторов, проехать по Шотландии на автомобиле, оригинальные названия будут ему необходимы.

К сожалению, в переводе не видны хорошо известные британцам шотландские слова, которые время от времени использует автор: это прежде всего прилагательное wee (маленький), существительное lassie (девушка), многофункциональное восклицание Good grief!

Робко надеюсь, что перевод на русский язык не разрушил привлекательности этого своеобразного, познавательного, местами смешного, местами страстного повествования. В ходе работы со мной неотступно были любовь к творчеству Иэна Бэнкса (это пятая его книга, которую мне посчастливилось переводить) и любовь к Шотландии (где мне посчастливилось преподавать перевод в эдинбургском университете Хериота-Уотта).

Хочу поблагодарить своих учеников, магистрантов кафедры английской филологии и перевода СПбГУ, оказавших мне помощь в подготовке рукописи к печати.

Елена Петрова

Благодарности

Эта книга не появилась бы на свет без помощи множества людей. Хочу поблагодарить свою жену Энн, Оливера Джонсона, Джона Джарролда, Тоби и Харриет Роксбур и всех обитателей фермы «Балливикар», Мартина Грея, Лэса, Айлин и Эйли Макфарлан, Роджера Грея и Изабеллу, Мик Читэм, Гэри и Кристиан Ллойд, Рэя, Кэрол и Эндрю Рэдман, Брюса, Ивонн, Росса и Эми Фратер, Дженни и Джеймса Дьюар, Эндрю Грига и Лесли Глестер, моего дядю Боба, всех, с кем я познакомился и побеседовал в дистиллериях – особая благодарность менеджерам и многострадальным, но невероятно образованным экскурсоводам, которые с готовностью отвечали на мои дурацкие вопросы, Шотландское общество любителей солодового виски, а под конец, но в первую очередь – моих родителей.

Все, что здесь написано, – чистая правда. Особенно то, что я выдумал.

Введение. О сносе крыши

– Бэнкси, привет. Что поделываешь?

– Да вот, скоро примусь за книгу про виски.

– Что-что?

– Скоро примусь за книгу про виски. Заказ получил. Написать книгу. Про виски. А конкретно – про односолодовый виски.

– Ты пишешь книгу про виски?

– Ну да. Придется объехать всю Шотландию – в основном на машине, но паромы, поезда и самолеты тоже не исключаются, – посетить вискикурни, продегустировать разные сорта скотча. Естественно, на халяву.

– Врешь.

– Нет, что ты!

– Точно?

– Абсолютно.

– …Помощник не требуется?

Начинать с того места, где нечто заканчивается, в наши извращенные времена уже стало почти нормой. Но сперва по возможности определю свои цели и задачи.

Формально (и даже более того) эта книга посвящена односолодовому виски[1 - Односолодовый виски (или молт) – виски, представляющий собой чистый солодовый спирт определенного сорта, не разбавленный водой и не смешанный с другими сортами. Купажированный виски (или купаж, бленд) – виски, для получения которого смешиваются разные молты, возможно, с добавлением воды для регулирования крепости.], искусству его изготовления и радостям употребления. Отчасти она также посвящена продаже и продвижению товара, индустрии виски в целом, алкоголю вообще и даже шире – веществам,

изменяющим настроение или восприятие реальности. Но повествует она не только о виски, потому что распитие виски – это не только его потребление; человек – общественное существо и пьет обычно вместе с родными, друзьями или знакомыми. А если даже в одиночку, то в компании с воспоминаниями и призраками прошлого.

Эта книга – еще и о любимой мною земле и стране, Шотландии, ее людях, ее больших и малых городах, поселках и деревушках, об окружающей их природе. В ней не найдется места подробным отчетам о дегустации (честно сказать, для этого я не вышел носом, хотя внешний вид свидетельствует об обратном), но будут кратко изложены общепринятые характеристики различных сортов виски, а иногда и личные впечатления от особо понравившихся напитков – когда я посчитаю, что мне это сойдет с рук. Это и не путеводитель по Шотландии, хотя нельзя не упомянуть некоторые рестораны, отели, достопримечательности, живописные пейзажи и приманки для туристов.

Я отправлюсь на север, в Кейтнесс (Caithness) и на Оркнейские острова (Orkney); в Дамфри?с (Dumfries) и Гэллоуэй (Galloway); на острова Скай (Skye), Малл (Mull) и Айла (Islay), в Спейсайд (Speyside), Морей (Moray), Аберди?ншир (Aberdeenshire), Пертшир (Perthshire), Аргайл (Argyll), Клайдсайд (Clydeside), Лотиан (Lothian) и в другие места, где найду дистиллерии. Нет, я не стану посещать абсолютно все (хотя и собираюсь опробовать продукцию каждой посещенной вискикурни, причем по возможности даже закрытых или прекративших существование), потому что, если честно, в этом нет смысла, когда то, как функционируют дистиллерии, уже понятно; а еще потому, что не все они рассчитаны на посетителей, а я – после первых экскурсий, где меня везде водили за ручку профессиональные гиды, – не ищу к себе особого отношения только оттого, что пишу книгу.

Путешествие мое будет идти зигзагами – оно и понятно, учитывая его цель. Я собираюсь посещать вискикурни либо по несколько за раз, либо по одной, а между недельными и однодневными поездками возвращаться домой, в Норт-Куинсферри (отчасти это связано с тем, что я намерен купить бутылку каждого односолодового виски, который найду, а поскольку в Шотландии около ста вискикурен, не считая заглушенных, мне частенько придется возвращаться, чтобы разгрузить багажник). Норт-Куинсферри, или Ферри, как зовем его мы, местные, – это городок, где я жил до девяти лет и куда вернулся лет тринадцать назад. Тут живут мои родные и мои воспоминания. Это мой концентратор, моя док-станция, и я не скрываю, что возвращаюсь сюда для подзарядки.

Важное место в книге займут дороги, машины (довольно много дорог и довольно много машин, если вдуматься… и даже один мотоцикл), а еще паромы, поезда, самолеты и другие транспортные средства, которые я смогу найти и под любым предлогом включить в рассказ.

Это путешествие в поисках идеального виски, предпринятое с полным пониманием того, что искомого продукта, скорее всего, не существует. Ничего страшного, ведь в любом поиске важен сам процесс. Впрочем, как знать.

Книга неминуемо превратится в рассказ обо мне, моих родных и друзьях, в первую очередь о тех, кого удалось подбить на участие в этом проекте (вы, наверное, не удивитесь, если я скажу, что руки никому выкручивать не пришлось). Естественно, всплывут и старые приключения, даже те, что не отмечены противозаконными деяниями. Вместе с тем будут бессовестно раскопаны, растащены, разобраны и раздуты древние предания сомнительной достоверности. Не будем кривить душой: виски – один из самых крепких напитков, и, несмотря на привычные разглагольствования в стиле: «Мы – люди взрослые, я пью потому, что ценю вкус, а не потому, что хочу напиться. Пару стаканчиков в день – и все», виски – это законный, престижный, относительно дорогой, но очень приятный способ снести себе крышу.

И если уж мы заговорили о тех, кому снесло крышу, эта книга не может обойти тему войны. Понятно какой – Иракской войны, Второй войны в Персидском заливе, лично-воспринятой-войны. Я отправляюсь в путь с ее началом и не могу закрыть на эту войну глаза; ничто из того, что случится, пока я буду ездить по шотландским дистиллериям, не пройдет бесследно; я не собираюсь оставлять без внимания встретившихся мне людей, или достопримечательности, или пейзажи, или погоду, и точно так же не смогу игнорировать политическую обстановку в нашей стране и за рубежом. И это не побочная тема для такой книги, как может показаться: виски, каким мы его знаем, всегда по самое горлышко был погружен в политику.

Вот. Конец начала. Вчера утром, в первый официальный день весны, мы с женой разрезали свои паспорта[2 - …мы с женой разрезали свои паспорта… Подлинное событие. В 2003 году И. Бэнкс с женой действительно порвали свои британские паспорта и отправили обрывки в резиденцию премьер-министра Великобритании, протестуя против участия британских войск во вторжении в Ирак.] и отправили обрезки мистеру Блэру на Даунинг-стрит.

1. Этот дурман деликатного нрава

– Здорово, Бэнкси! Ну как, написал что-нибудь стоящее?

– Если верить некоторым критикам, ничего, но скоро возьмусь за книгу про виски.

– За книгу про виски?

– Ага. Про односолодовый.

– Шутишь!

– Ничуть.

– Собираешься, значит, как его… экс… экс…?

– Экспериментировать? В общем, да. Поезжу по Шотландии – ну, или кто-нибудь меня повозит, покатаюсь на поездах, паромах, самолетах и так далее, побываю на дистиллериях, попробую разный виски, все такое…

– Тебе за это еще и деньги заплатят?

– Уже аванс выдали.

– Так. Ясно. Помощник нужен?

Пятница 21 марта 2003 года – хороший день для путешествия на пароме. Но начинается он необычно – встаю ни свет ни заря и распечатываю пачку стандартных антивоенных лозунгов на листах формата А4: «НАМ НЕ НУЖНЫ КРОВАВЫЕ ДЕНЬГИ» и «ТОНИ БЛА-БЛА-БЛЭР» (лично мне этот нравится больше всех, пусть он и не столь выразителен). Пока работает принтер, смотрю утренние репортажи с нашей новой войны, которой всего день от роду. Потом

иду к своему «Лендроверу», чтобы обклеить его распечатанными листами: один, в прозрачном кармане-файле, вешаю на запаску, прикрепленную к задней двери, шесть – на боковые стекла. Одну бумажку даже прилепляю изнутри на люк в крыше, хотя, наверное, это меня слегка занесло: увидеть ее можно разве что из вертолета или – по чистой случайности – с надземного перехода.

Разрезаю паспорта и сочиняю короткое сопроводительное письмо, пишу электронное письмо в «Гардиан» и объясняю, зачем мы сделали то, что сделали, а потом отправляюсь в Инверки?тинг (Inverkeithing), чтобы послать обрезки паспортов на Даунинг-стрит, 10.

Вернувшись домой, прощаюсь с Энн – я на неделю уезжаю на остров Айла (Islay)[3 - Остров Айла (Islay) – англичане в отличие от шотландцев произносят название этого острова «Айлей». Об этом см. ниже.]. Потом, несмотря на то что путь мой лежит на запад, отправляюсь в центр Эдинбурга, чтобы продемонстрировать свои лозунги: проезжаю по Куинсферри-роуд (Queensferry Road), Шарлотт-сквер (Charlotte Square) и Джордж-стрит (George Street), пересекаю Принсес-стрит (Princes Street) и двигаюсь по Маунду (Mound) мимо временного здания парламента Шотландии в сторону замка, далее по Королевской Миле (Royal Mile) и обратно на Принсес-стрит.

В этот яркий, свежий, солнечный день – совсем не такой, как мое настроение, но в жизни бывают печальные противоречия – мои плакаты замечает несколько прохожих в центре города: кое-кто кивает или поднимает большой палец; несогласные просто отворачиваются. Но большинство вообще не смотрит. Может, нужно было взять цветную бумагу или напечатать текст не просто огромным, но еще и ярким шрифтом, хотя вначале мне казалась, что и так очень даже неплохо. Черт его знает, может, нужно было всю дорогу сигналить?

Двигаюсь на запад, мимо аэропорта, на магистраль M8, доезжаю до Глазго и гружусь на паром от Гу?рока (Gourock) до Дануна (Dunoon).

Смотрю сверху на грузовики и легковушки, стоящие на автомобильной палубе парома, но не могу даже разглядеть плакат на люке своего «Лендровера». Люк у меня тонированный, он чуть приподнимается, а не открывается полностью, и за счет того, что тонировка сделана с помощью сетки, помещенная под стеклом надпись видна только под прямым углом.

Греюсь на солнышке, слушаю вопли крикливых чаек, пью чай из термокружки, заедая его непропеченным шотландским пирогом[4 - Шотландский пирог – небольшой закрытый пирог с начинкой из баранины или другого молотого мяса.] из микроволновки. С грустью смотрю на останки некогда блиставшей скромной величественностью пристани Гурока, где теперь красуются зады старых многоквартирных домов, более приличные фасады которых выходят на главную улицу. На парковке у самой воды поблескивают лобовыми стеклами автомобили, стоят рыболовы, дальше появляется открытый бассейн, на холме вырастает ряд приятных глазу викторианских коттеджей из песчаника, старые и новые пляжные домики. Глазею на косые улочки, молодые деревья и поросшие кустарником холмы, разглядываю причудливое, украшающее Тауэр-хилл (Tower Hill) здание на востоке, холмы и горы на севере и западе, широкую реку, исчезающую за горящим на юге горизонтом.

Когда-то я жил здесь, в Гуроке. И подрабатывал на пристани.

В юности – лет с десяти и до пятнадцати – летними ночами я, бывало, не мог уснуть у себя в спальне, высоко над бухтой, на холме, над широкой дугой пристани Гурока. Каждой погожей ночью в теплое время года через приоткрытое окно до меня доносился рокот медленно удаляющегося судна. Так рокотал только один из десятка с лишним паромов и пароходов, которые всегда заходили к нам летом.

То были последние годы золотого века реки Клайд (Clyde), когда автомобили еще оставались редкостью и многие жители Глазго на день, а то и на все две недели отпуска отправлялись по воде на такие курорты, как Ларгс (Largs), Данун и Ротсей (Rothesay). На причале мне доверяли в основном ловить швартовы и поднимать сходни – в начале семидесятых, в студенческие годы, я пару лет проводил летние каникулы в компании нескольких портовых грузчиков и одного-двух школьных приятелей. Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что удостоился чести наблюдать конец целой эпохи. Без нас не обходилась швартовка «Уэйверли» – последнего в мире морского колесного парохода, который в летние месяцы до сих пор гремит и брызгает водой на морских курортах Британии; мы смотрели, как суда на воздушной подушке – они еще были в диковинку – уносятся вниз по течению мимо пляжа и лоцманской станции, выстреливая камешками, как пулями, и распугивая отдыхающих. Как я уже сказал, «Уэйверли» пока держится, а вот суда на воздушной подушке у нас не прижились – их век миновал, едва успев начаться; бывает и такое.

Теперь огромные пароходы сюда не заходят, остались только паромные переправы для автомобилистов; несколько маленьких суденышек еще снует по Клайду в Хеленсбург (Helensburgh) и Килкрегган (Kilcreggan), изредка организуется буз-круиз[5 - Буз-круиз (букв. «алкогольный круиз») – водное путешествие, во время которого можно купить алкоголь и табачные изделия по сниженным ценам.] – даже на «Уэйверли», если он оказывается на Клайде, но это и всё, поскольку многие старые причалы уже разваливаются. Даже пристань Гурока, откуда паром идет до Дануна, теперь в плачевном состоянии. Поезда останавливаются не на вокзальчике под стеклянной крышей (большей частью разрушенной), а в другом месте, да и сам причал, кроме стапеля для выезда автомобилей, куда-то исчез; торчат лишь бетонные столбы, на которых раньше покоились обшитые досками плиты.

Немного смахивает на почти беззубый рот. Кто раньше не видел здешних мест, тот, наверное, сразу назовет их захолустьем, но тому, кто, как я, помнит их былую красоту, наблюдать упадок особенно грустно.

Говорят, существует план реконструкции всего побережья, и – если, конечно, это не стандартный план застройщиков по впихиванию максимального количества многоэтажек на минимальный участок земли – с ним надо поторопиться.

Общественное пространство / личное пространство. Немного подбадриваю себя, поглядывая на «дефендер».

«Лендровер»: хвалебная песнь

О «Лендровер»! Полное имя – Land Rover Defender 11 County Station Wagon Td5. Во всей конюшне «Лендроверов» этот выделяется особенно сельским видом – уродец в семействе, которое изначально не обременено сногсшибательной красотой. У машины прямой контур, все стекла угловатые (кроме небольших овальных окошек, якобы предназначенных для разглядывания гор, встроенных в округлые ребра крыши). Двигатель звучит так, будто в сушильную машину загрузили ведро болтов.

Однако же по непонятным причинам я влюбился в этот автомобиль.

Никогда не думал, что такое произойдет. Должен признаться, я обожаю рулить. Мне нравятся машины, нравятся мотоциклы, мне нравятся вообще почти все виды транспорта, но особую любовь я питаю к тем, которыми могу управлять сам, потому что я просто-напросто люблю вождение. В парках аттракционов я всегда предпочитал – и до сих пор предпочитаю – картинг, причем по самой простой причине: ты сам – хоть немного – контролируешь процесс. Как только до меня дошло, что езда против движения в попытке столкнуть как можно больше машин – это весело, но против правил и грозит выдворением с автодрома, я изменил тактику и стал стараться, чтобы столкновений было как можно меньше; это не так весело, но достижение цели дает большее удовлетворение. (Современные парки аттракционов предлагают экстремальные катания, очевидно, соревнуясь в том, чьи разработчики смогут быстрее и сильнее напугать посетителя, но подобные радости мне не совсем понятны.)

Подозреваю, что, не уехав из юго-восточной Англии, я бы не стал таким заядлым автомобилистом, ну, или гонял бы по автотреку, но поскольку мне посчастливилось жить там, где хочется, то есть в Шотландии, а шотландская глубинка (как, впрочем, и некоторые центральные районы) богата отличными дорогами, моя водительская жизнь доставляет мне удовольствие. У меня сложились прекрасные отношения с моими автомобилями и с дорогами, по которым езжу.

Так почему я предпочитаю трехтонный дизельный монстр, у которого аэродинамика, как у огромного кирпича, и который, кажется, к тому же официально числится в классе автобусов? И почему я не просто езжу, но и получаю от этого кайф? Вообще, эта машина застряла в шестидесятых: никакого кондиционера, никакого центрального замка, никаких электрических стеклоподъемников. А подушки безопасности? Ха! Подушки безопасности? Подушки безопасности? В «дефендере» не слишком комфортно и уютно, даже когда он едет крышей вверх по ровной и прямой дороге; об аварийных ситуациях я уж помалкиваю. Или вы всерьез предполагали, что в нем будет комфортно и уютно разбиться?

И что я только нашел в этом строительном вагончике с мотором, в этом грубом, шумном, дребезжащем, неуклюжем привете из прошлого, чья нелепая печка забирает холодный воздух и только через двадцать минут с хрипом выпускает его из отдушин чуть теплым и влажным? Чем привлекла меня машина маневренностью сродни речной барже; машина, где передние ремни безопасности установлены так ловко, что вечно мешают закрыть дверь; машина,

аэродинамику которой превосходит и дом на колесах, и садовая беседка? Что хорошего в такой машине?

Ну, во-первых, «Лендровер» прочиповали; старую внутреннюю программу управления двигателем заменил – или усовершенствовал – некий чип «второго уровня», тем самым увеличив количество «лошадей» в два раза и добавив мощное турбо («Т» в Td5 означает «турбо»; речь идет о пятицилиндровом дизельном двигателе).

Конечно, это не превращает «Лендровер» в «Феррари», но позволяет водителю с легкостью соблюдать обычный скоростной режим и преодолевать длинные подъемы без унизительного притормаживания и без понижения передачи (у машины пять передач, но и шестая была бы не лишней). Классическая система означает, что водитель, въезжая в гору, довольно быстро проскакивает вверх по передачам – кстати, редко в какой машине можно спокойно включать пятую передачу на скорости 40 миль в час, даже когда едешь в горку, – а на современном шоссе это минус. Зато машина позволяет делать скоростные рывки. Другими словами, водитель «Лендровера» легко обгоняет ошеломленных собратьев; главное – не разгоняться перед заходом на поворот.

Во-вторых, этой машиной можно заниматься: модифицировать под себя, навешивать, так сказать, большие автомобильные цацки, например, лестницу на заднюю дверь, приспособление для форсирования глубоких бродов, багажник на всю крышу, подножки, чтобы можно было вставать на крылья, не опасаясь их поцарапать, фонари размером с тарелку, задние фары-искатели, передние фаркопы (задние фаркопы есть почти на всех моделях). Некоторые усовершенствования можно даже сделать самому, если руки не совсем кривые: в прошлом году я снял все четыре трубчатых порога, заменил их мощными цельнометаллическими, и они до сих пор не отвалились. Внутри, особенно в моделях с длинной колесной базой, можно хранить огромное количество хлама. В этой машине почти нет удобных отделений для всяких мелочей, зато до смешного много разных кармашков, особенно если поискать их за и под многочисленными сиденьями.

Можно установить лебедку, чтобы в неловкой ситуации вытаскивать себя из канав, мертвую хватку которых не может одолеть даже полноприводный внедорожник с блокированным дифференциалом, обутый в специальную резину. По крайней мере так мне говорили. Лично я для этого лебедку не использовал, но она помогала, когда надо было вытащить лодку, а однажды даже позволила

затащить «Дрэском-логгер» (это лодка, клянусь, а не какое-нибудь ругательство) на прицеп, а потом вытянуть прицеп на берег в таких обстоятельствах, где бы справился, наверное, только трактор.

Но все же есть одна проблема: эти металлические приспособления превращают и так не самую дружелюбную машину в настоящего врага пешеходов. Если составить список машин, перед которыми не очень хочется перебегать дорогу, то обвешанный всякими цацками «дефендер» займет место ближе к началу. Сначала ты ударишься… нет, прошу прощения, сначала тебя ударит огромная лебедка, способная вытащить примерно пять тонн, присоединенная к массивному бамперу, который выдержит и спасательную шлюпку; бампер, в свою очередь, прикручен к поразительно крепкой металлической ходовой части, которая присоединена ко всему остальному. Ничего не люфтит, все плотно.

(– У этой машины есть зоны деформации?

– Да, есть. Другие машины.)

В защиту «дефендера» могу сказать только, что, понимая все вышесказанное, водить стараешься аккуратнее, особенно в населенных пунктах, где можно случайно покалечить людей или покорежить другие транспортные средства.

Потрясающий вид из окон тоже идет в плюс. Из высокой машины и лучше видишь, что творится между и за припаркованными машинами, и на дороге удачнее планируешь обгоны. Лобовое стекло «дефендера» начинается на уровне крыши обычной машины, и порой из такой машины – особенно нашей, посаженной на 750-е шины, которые прекрасно вписались бы в образ трактора, – взираешь сверху вниз даже на «Рейнджроверы». И еще. Водитель и пассажиры получают возможность заглядывать за стены, ограды и заборы; даже давно знакомая дорога, когда проезжаешь по ней на подобном монстре, открывается с новой стороны.

Другие преимущества «дефендера». Его трудно потерять. Поставишь обычную машину на забитой парковке супермаркета, забудешь, где ты ее оставил, – и замучаешься искать. С «дефендером» такого не бывает: выходишь с тележкой из дверей – и отлично видишь его с любого расстояния, потому что он загораживает солнце. Кстати, о магазинных тележках: «дефендер» смеется в лицо этим злодейкам, которые так и норовят поцарапать сверкающие

автомобили. Ну честно: можно гордиться своей обожаемой машиной и при этом не обращать ни малейшего внимания на вмятины, царапины и сколы.

Более того, без парочки вмятин «дефендер» выглядит непривычно; «дефендеры» даже стыдятся появляться на людях чистыми и сверкающими, а уж если на них стоят блестящие диски… боже ж мой! К тому же в машину с большим клиренсом – днище у нее располагается приблизительно на уровне моего бедра, а я чуть выше метра восьмидесяти – намного легче укладывать тяжести, нагрузка на позвоночник и поясницу намного меньше, чем при погрузке тяжестей во вместительный, но низкий багажник.

Опытный водитель даже может маневрировать на этой машине удивительно ловко; «дефендер» легко наклоняется в сторону, и водитель всегда чувствует, что управляет автомобилем, который два метра высотой и всего полтора метра шириной, но на котором, до определенного предела, можно пофорсить. Можно даже повизжать покрышками, правда, такие забавы нервируют пассажиров, а потому не рекомендуются. Не рекомендуются они еще и потому, что визг резины обычно означает, что стоит хоть чуть-чуть добавить скорости – и ты совершишь серию завораживающих, но чреватых травмами переворотов и сальто, а потом станешь вкраплением (или вкраплениями) в местный пейзаж.

Последнее преимущество. Оно касается только Лондона, но если я верно понял правила, на «Лендровере», как у меня, можно гонять по центральным улицам, не платя пошлины. Я, конечно, не призываю так поступать, но говорю, что в принципе это реально.

Между прочим, в модели 11 County Station Wagon минимум десять пассажирских мест. Трудно поверить, но теоретически их даже одиннадцать, если учитывать место рядом с водителем: сидящий на нем пассажир становится жертвой домогательств каждый раз, когда нужно включить четную передачу. Так что большинство водителей вместо этого бесполезного так называемого сиденья устанавливают бардачок для всяких полезных вещей. Из-за разросшегося количества кресел и ремней безопасности машина проходит по классу автобусов, и, хотя из-за этого налог на нее будет выше, бесплатный проезд по центру Лондона на протяжении всего нескольких недель с лихвой это окупит.

День по-прежнему ясный и солнечный. Не теплый, но спокойный даже на воде. Паром пробивается сквозь полуметровые волны; южная граница Гурока растворяется вдали, и я отправляюсь на другой борт, чтобы понаблюдать приближение Дануна и Аргайла.

Как я тут вообще оказался?

Всю эту кашу заварил мой агент несколько месяцев назад. В конце концов, у профессионалов так и положено. Как-то прохладным октябрьским днем я сидел дома в Норт-Куинсферри, читал газету, думал о своем – и вдруг зазвонил телефон.

– Алло.

– Бэнкси? Это Мик. У меня, кажется, для тебя кое-что есть.

Моего агента зовут Мик Читэм, она один из самых добрых, милых и приятных людей, которых я знаю. Но это в жизни, в работе она обладает замечательным и неоценимым качеством: относится к клиентам как к собственным детенышам. Она – тигрица, даже не пытайся встать между нею и тигрятами, даже не думай их задеть, если, конечно, не хочешь, чтобы тебя загрызли. Мы с Мик давно дружим, но когда она включает рабочий режим на полную, я только радуюсь, что она на моей стороне. Как там Веллингтон говорил про своих солдат? «Не знаю, что о них подумает неприятель, но, видит Бог, меня они пугают». Как-то так.

Годы опыта и снисходительность к моей природной лени приучили Мик либо отказывать девяноста пяти процентам людей, которые хотят вовлечь меня в свои первоклассные проекты (правда, потом она непременно рассказывает мне о каждом таком случае), даже не спрашивая меня, либо, заранее предупредив, что надежды на согласие практически нет, давать обещание со мной переговорить.

Значит, если она говорит, что у нее для меня кое-что есть, предложение наверняка стоящее. После того как она в прошлый раз произнесла эту фразу, я получил возможность покататься на болиде «Формулы-1» на французском автодроме «Невер», чтобы написать статью для автомобильного журнала Car, и мне это очень понравилось (с одной оговоркой: как выяснилось, гонщик из меня еще тот).

– Так-так, – сказал я, успешно сдерживая восторг.

– Как тебе такая идея: тебя будут возить на такси по шотландским дистиллериям, и ты будешь там пить много-много виски? А потом напишешь об этом книгу? За кругленькую сумму. Как тебе? А? Нравится?

Я так обрадовался, что даже, по-моему, убрал ноги со стола.

И быстро все обдумал (в самом деле быстро).

– А можно я сам буду водить такси?

– Тогда ты не сможешь пить.

– Выпить я смогу и вечером.

– Тогда почему бы и нет?

– А зачем нам вообще такси?

– Мне кажется, заказчики хотят обыграть эффект неожиданности: черный кэб колесит по туманным долинам Шотландского нагорья на фоне зловещих вершин, что-то в этом духе.

– Они из Лондона, да?

– Естественно. К тому же они надеются на остроумные диалоги между тобой и разговорчивым таксистом из Глазго.

– Стало быть, они меня не знают. Отлично, отлично…

– Короче, Бэнкси, что скажешь?

– Может, обойдемся без такси? В городе еще куда ни шло, но некоторые вискикурни – в жуткой глуши.

– И что ты предлагаешь? Пешком ходить?

– Нет, поеду на своих колесах. Буду возить сам себя. За выпивкой. Ха!

– В одиночку?

– Да.

– А как же остроумные диалоги?

– Могу позвать с собой приятелей, они будут меня возить, помогут и с дегустациями, и с диалогами. У меня есть остроумные друзья. По крайней мере они постоянно надо мной прикалываются. Это ведь тоже считается, правда?

– Конечно, считается, дорогой мой.

– …Хмм. И расходы мне тоже оплатят, правильно? Бензин, гостиницы? Ну там… Еще бензин?

– Конечно.

– И ты действительно считаешь, что заказчики на это поведутся… то есть согласятся?

Иногда даже по телефону можно понять, что человек улыбается.

– С ними я разберусь.

– Классно! Я готов!

Так и вышло, что я стою на палубе парома, идущего в солнечный Данун, и вот-вот начну собирать материал для – ух ты! – своей первой документальной книги. Если удастся хоть немного отвлечься от войны, неделя на острове Айла может получиться увлекательной. А потом, конечно, остров Джура (Jura); в этот раз я планирую добраться до Джуры, посетить вискикурню и, по возможности, бывший дом Джорджа Оруэлла, а может, как вариант, даже поглазеть наконец-

то на Корриврe?кен (Corryvrecken), огромный приливный водоворот между севером Джуры и югом Скарбы (Scarba), который широко известен, снят на видео и даже упомянут в парочке моих книг, хотя я никогда не видел его своими глазами. Настоящий водоворот! Ревет так, что слышно за несколько миль! Круто же?

Из Дануна вдоль побережья, мимо снова мирного залива Холи-Лох (Holy Loch), где раньше базировались американские корабли поддержки и подводные лодки, вооруженные ракетами «Поларис», до первой из Отличных крошечных дорог, с которыми мы встретимся в этой книге. Официально она называется B836, но мне трудно даются номера трасс, поэтому в голове у меня она значится просто как Отличная Крошечная Дорога Налево От Дануна, Не Доезжая До Бенморского Ботанического Сада, Ведущая К Каналу Кайлс-оф-Бьют, Где Из Колинтрейва Ходит Паром До Тайнабруэха (Tighnabruaich) на Бьюте, А Оттуда Паром до Тарберта. Ну или что-то в этом роде.

У озера Лох-Стривен (Loch Striven) я проезжаю поле, где на укрытой туманом траве лежат огромные деревянные столбы. Они похожи на слишком большие телеграфные столбы, но, наверное, это опоры электропередачи. В кабину «Лендровера» просачивается запах креозота. Примерно в этот момент я понимаю, что опаздываю на паром до Тарберта (там я надеялся заехать к парочке старых друзей и таким образом завершить обход своих бывших редакторов), и потому направляюсь в объезд до Оттер-Ферри (Otter Ferry) по обрывистой узкой дороге, вьющейся по холмам в направлении залива Лох-Файн (Loch Fyne).

Отличные Крошечные Дороги: отступление

В моей терминологии Отличная Крошечная Дорога (ОКД) – это просто узкая дорога местного значения, по которой интересно прокатиться. Нередко это кратчайший путь или же просто альтернатива центральной трассе. По таким дорогам почти никогда не получится доехать быстрее, но поездка будет увлекательной – отчасти потому, что там меньше машин, отчасти потому, что они проходят через красивейшие места, а отчасти потому, что изобилуют плавными поворотами, резкими уклонами, сложными холмами и/или длинными прямыми участками (хотя последние на ОКД – редкость). ОКД бывают безумно

медленными – часто намного медленнее установленных ограничений, – но все равно дарят огромную радость; это может быть даже однополосная дорога, на которой бесишься от плотного движения, но, несмотря ни на что, получаешь удовольствие; а некоторые трассы превращаются в ОКД только во время дождя, когда нужно подтормаживать.

В общем, эта однополосная дорога на Оттер-Ферри, изобилующая прекрасными пейзажами, лиственные леса чередуются со щетиной сосен – точно ОКД.

У залива Лох-Файн я снова направляюсь на север, сворачиваю назад через Глендорел (Glendaurel), и мне опять приходится поднажать, потому что я в очередной раз не совсем верно рассчитал время, так что гоню «дефендер» по длинным извилистым подъемам и спускам в сторону места, откуда открывается вид на морской пролив Кайлс-оф-Бьют (это один из прекраснейших видов в Аргайле и, может быть, даже во всей Шотландии: огромная дельта с изрезанными берегами соединяющихся бухт, разбросанные дуги островков и большой холмистый остров, исчезающий вдали).

Наверное, впервые – а при ясной погоде совершенно точно впервые – я не остановился, чтобы полюбоваться видом. «Лендровер» быстро покоряет холм, сильно кренится на поворотах, но все равно остается надежным; ехать приятно, но, пролетая мимо смотровой площадки, я злюсь, что не оставил себе времени, чтобы вдумчиво, а не на лету насладиться открывающимися красотами.

Попасть на паром из Портавади (Portavadie) в Тарберт стало немного проще, чем раньше; в прошлый раз на палубу нужно было въезжать задом, что, вероятно, безумно радовало водителей фур с прицепами. А несколько лет назад моя машина оказалась единственной на пароме, и это было даже романтично. Я ехал, чтобы пообедать с бывшей подругой, – это была абсолютно платоническая встреча, но все равно чувствовалась некоторая пикантность.

Примерно через год тот же паром можно было увидеть в начале первой серии телеэкранизации моего романа «Воронья дорога», где Джо Макфадден играл главного героя, Прентиса Макхоуна, который в одиночестве стоял на палубе, возвращаясь домой на похороны. Я помню, как смотрел эту серию еще до выхода в эфир и очень нервничал – «Воронья дорога» стала моей первой книгой, успешно адаптированной для телевидения, – и когда я увидел эту сцену и

провел параллели со своим путешествием примерно годичной давности, у меня появилась странная, необоснованная уверенность, что все будет хорошо, хотя я и не считаю, что атеистам вроде меня разрешено верить в добрые предзнаменования (но мы все равно время от времени это делаем); я решил, что сериал получится хороший. В итоге с радостью сообщаю, так и получилось.

Всю дорогу я слушаю то радио, то старый кассетник; по радио узнаю последние новости о войне, а кассеты ставлю потому, что по-прежнему остро реагирую на войну, хочется послушать что-нибудь ностальгическое и приятное. IPod я тоже взял, вместе с адаптером для подключения к магнитоле в «Лендровере» (CD – это слишком уж хай-тек для такой старой машины; я рад уже тому, что у меня кассетник, а не бобинный магнитофон), но мне лень его подключать.

В общем, мне по ушам ездят то захлебывающиеся от восторга журналисты, которые сообщают, насколько глубоко американские и британские солдаты продвинулись в Багдаде и Басре, то старые песни, записанные еще до Первой войны в Заливе[6 - …записанные еще до Первой войны в Заливе. – Речь идет об операции «Буря в пустыне» (1990–1991), в ходе которой войска международной коалиции во главе с США выбили иракские части из захваченного ими Кувейта и нанесли Ираку военное поражение.].

Дорога от Тарберта до Кеннакрейга (Kennacraig), откуда отходит паром до Айлы, занимает десять минут. Путь до Порт-Эллен (Port Ellen) длится пару часов, за которые день превращается в вечер. Все это время сижу в баре, читаю в газете про войну, а потом переключаюсь на книги о виски, которые взял с собой для изучения. Выпиваю пару кружек пива. Обычно я не пью, если мне потом садиться за руль, но если долго плыву на пароходе, а после этого остается проехать совсем чуть-чуть, то расслабляюсь и выпиваю, но не больше, чем можно по закону. Две кружки пива – это совсем не страшно, но они наталкивают меня на другую вредную мысль: «Эх, сейчас бы сигаретку…»

Всему виной дурь. Когда я впервые начал покуривать косяки, их всегда делали из гашиша, смешанного с табаком – по-моему, первые десять лет я траву даже в глаза не видел, – а потом, особенно во время, так сказать, «сеансов безудержного кайфа», когда мы с приятелями так укуривались, что не могли скрутить следующий самокрутку или забить бонг, обычная сигарета помогала поддерживать контакт, да к тому же обычную сигарету достать было намного проще. Короче, в итоге у меня появилась временная, спорадически возникающая зависимость от табака, и я решил, что да, старая ядовитая пропаганда, которой

пичкали наше поколение, на самом деле права и марихуана может подтолкнуть к употреблению куда более страшных наркотиков. Точнее, одного – табака, если вы забиваете косяки именно с ним. Ах, радости нарушения идиотских запретов… (вернемся к этой теме позже, на всякий случай, чтобы не было иллюзий)!

Но вот странность: на трезвую голову меня преследует непереносимость табачного дыма. Я из тех людей, которые говорят курильщикам в некурящих вагонах, чтобы они выбросили сигарету. (Хмм, кажется, официально это называется «лицемерие»? Нет?) Даже когда еду на последнем поезде, где почти все пассажиры пьяны и считают, что курить можно, даже когда курильщики здоровее меня или их просто больше.

Однако. Стоит мне выпить пару кружек пива, или пару стаканчиков виски, или пару чего бы там ни было – особенно в курящей компании, – и я начинаю думать, что сигаретка будет как раз кстати. Обычно я сопротивляюсь. Но иногда, напившись и расслабившись, сдаюсь и стреляю у приятелей.

И хотя я не оплачиваю свою слабость, кроме тех случаев, когда мне кажется, что я скурил слишком много чужих сигарет и должен возместить пачку (понимаете, своих не держу – стреляю у знакомых, поскольку вообще-то я не курю), мне приходится за нее расплачиваться. Тщательные исследования показали, что похмелье в полтора-два раза хуже, если я курил, – сравнение было проведено со стандартными жуткими похмельями и их классическими симптомами (количество и наименование обезболивающих, громкость вздохов и тихих стонов, неспособность связать больше трех слов, степень желания съесть что-нибудь жирное на завтрак и так далее).

На пароме я съел карри из курицы с картошкой фри и кетчупом. Понимаю, это плохая/вредная еда, и такое признание даже хуже, чем признание слабости перед сигаретами, но эти блюда стали моим традиционным заказом на судах компании «Каледониан Макбрейн» (Caledonian MacBrayne), особенно во время пятичасового пути из Обана (Oban) до острова Барра (Barra), куда мы с Энн почти каждый год ездим отдыхать на неделю.

Речь идет о таком карри, которое нам давали в школах, которое можно купить там же, где фиш-энд-чипс, или в дрянном китайском ресторане; о карри, которое уже почти нигде не готовят (и правильно делают); о клейкой массе, где слишком много кукурузной муки, где курица разварена – и все это пугающего горчично-желтого цвета, пересолено и напичкано консервантами Е. Картошка тоже редко

бывает лучше, чем просто съедобная. Но как вредная поблажка мне это очень нравится. Когда мы планируем поездку на остров Барра, я даже жду возможности заказать такую еду, так что я обрадовался, узнав, что на пароме до Айлы подают эти же блюда.

Когда мы плывем на Барру, я всегда беру с собой маленькую бутылочку кетчупа, чтобы достойно приправить картошку, но, даже несмотря на то что в этот раз мне пришлось довольствоваться кетчупом из ненавистных пакетиков, еда мне в кайф. Правда, кайф омрачается чувством вины.

Конечно, когда я прибываю в пункт назначения, меня ждут хозяева, приготовившие домашнюю баранину с собственной фермы, а на гарнир – молодую картошку и сочные овощи, и я раскаиваюсь, что на пароме съел ностальгическое псевдокарри, но ничего не поделаешь. В любом случае я выпиваю пару бокалов вина, а потом еще пару бокалов вина… а потом второй раз ужинаю, отчасти из вежливости, а отчасти потому, что уж очень аппетитны еда и питье на запах и на вкус.

Думаю, это было началом процесса, издевательски называемого «сбором материала» для будущей книги, в результате которого я набрал почти семь кило.

2. Не рифмуется с «налей»

– Бэнкси, я слыхал, ты книгу про виски пишешь?

– Верно. Мне заплатят за то, что я буду ездить по Шотландии, ну, или меня будут возить по Шотландии… в общем, буду знакомиться с дистиллериями и пить виски.

– Так это не шутка?

– Нет, не шутка.

– И ты уверен, что это тебе не приснилось?

– Уверен. Я уже договор подписал. Хочешь, пошуршу им в трубку?

– Просто хотел удостовериться. Так тебе, наверное, помощник нужен…

На первом же указателе, который встречает тебя при съезде с парома в Порт-Аллене, что на острове Айла, написаны два слова: справа «АРДБЕГ» (Ardbeg), слева – «БОУМОР» (Bowmore). Великолепно, думаю я: если указатель полностью состоит из названий вискикурен, это говорит о том, что изготовление виски – главная часть островной жизни, коль скоро направления тут задаются скотчем!

Сразу видно, что это отличное начало путешествия по заводам. Мне нравится виски с Айлы. На острове семь работающих дистиллерий (неплохо, если учесть, что население его составляет всего три тысячи человек), и на каждой производится уникальный виски, к которому я расположен всем сердцем. Среди этих семи молтов у меня есть свои предпочтения, но все семь входят в двадцатку любимых. В ближайшие два-три месяца, когда я буду ездить по вискикурням Шотландии и дегустировать сорта виски, о которых раньше только слышал (а то и вовсе не слышал), ситуация может измениться, но я сомневаюсь, что это произойдет: трудно поверить, чтобы вкусы, по яркости близкие к виски с Айлы, я и мои друзья почему-то оставили без внимания.

Виски с Айлы захватил меня, думаю, потому, что у него до предела насыщенный вкус. На самом деле я бы даже сказал «вкусы», во множественном числе. Я уже давно понял, что мне нравятся мощные, сильные, даже агрессивные вкусы: чеддер – чтобы вырви глаз, карри – чем острее, тем лучше, тайская еда, ближневосточные блюда с обилием чеснока, приправленная перцем чили мексиканская кухня, ощутимо фруктовые австралийские вина и тяжеловесные на вкус виски (упомяну по ходу дела и то, что мне не нравится: это брюссельская капуста, марципаны, вишня и «Амаретто». Плюс еще кое-что, о чем речь пойдет позже… мне за это даже неловко).

Если проводить разделение между характерами виски с Айлы, то стоит, очевидно, выделить маленькую зону, обращенную на юго-восток – потрепанный волнами, зазубренный, изрезанный торосами и скалами клочок побережья, прямо напротив которого лежит мыс Малл-оф-Кинтайр (Mull of Kintyre).

Три завода на юге Айлы – самым радикальным примером служит «Лафройг» (Laphroaig) – производят напиток, который почти совсем не похож на виски. Разница очень велика. Я знаю людей, разбирающихся в виски и любящих его – будь то бутылочка, которую подадут кому-то, кто явно исчерпал резерв хозяйского гостеприимства, или жемчужина коллекции, приберегаемая для самых особых из особых случаев, – но при этом они всеми фибрами души ненавидят «Ардбег», «Лагаву?лин» (Lagavulin) и «Лафройг». Из этих трех обычно наиболее презираемы «Лагавулин» и «Лафройг», а из этой пары самая стойкая неприязнь достается «Лафройгу».

* * *

Произношение: заметка

В предыдущем разделе упомянуты – в порядке появления и, по чистой случайности, в алфавитном – три названия; одно вполне ожидаемо читается «Ардбег» (Ardbeg), второе – проще, чем кажется на первый взгляд – «Лагавулин» (Lagavulin), а третье действительно чудное – «Лафройг» (Laphroaig).

В каждом названии я проставил ударение, потому что именно оно может принести триумф или провал, когда попытаешься заказать конкретный сорт у глуховатого или «непонятливого» бармена, особенно если время позднее и ты выпил столько, что с трудом ворочаешь языком. Теперь никто не скажет, что я не забочусь о ближнем.

И заодно сразу разберемся со словами lock (что означает либо «замок», либо «шлюз») и loch (именно так в Шотландии обычно называют водоем, который англичане назвали бы озером или морским заливом). Сочетание букв «ch» дает звук «х» – нежный, шипящий, который зарождается в заднем отделе полости рта при помощи изогнутого языка. Если нужна романтичная аналогия: звучит, как далекий прибой. Но вот на «к» совсем не похож.

Есть, конечно, «Бруклади» (Bruichladdich). Или «Глен Гири» (Glen Garioch) в Абердиншире.

И давайте даже не будем начинать разговор об озере Ментийт (Menteith).

Ну и последнее. Когда в начале восьмидесятых я жил в Лондоне, магазин дьюти-фри в аэропорту «Хитроу» проводил рекламную кампанию, и на одном из плакатов в метро изображалась бутылка, если не ошибаюсь, «Лафройга», а рядом – слоган «Айлей: налей и гляди веселей!». Создается впечатление, будто название острова Islay произносится «Айлей» и рифмуется с «налей» и «веселей», что в корне неверно. Первый слог в названии острова действительно «Ай», но второй – просто «ла». Ничего трудного. Так что давайте избавляться от англизированного произношения, которое в наших краях считается непростительной ошибкой.

Вернемся к «южанам» с Айлы. Вкус этой троицы некоторые не переносят, но настойчиво пьют снова и снова, желая оценить странные, яростные, терпкие букеты, которые кому-то нравятся; другие просто озадачены тем, что кто-то соглашается пить эти нелепые напитки; но есть и те, кто ненавидит их с той же страстью, с какой мы презираем самых одиозных политиков. Объектом разочарования, недоумения или злости обычно становится «Лафройг» – самый своеобразный, может быть, даже специально сбивающий с толку пример радикального виски.

Если проводить параллели с миром других напитков, то, наверное, наиболее уместно сравнение с «Шато Мусар». Это одно из моих самых любимых красных вин, но оно кардинально отличается от других, особенно от тех вин, которые, по общему мнению, заслуживают места в эксклюзивной винной карте. Оно пряное. Но пряное не в том смысле, который дегустаторы обычно вкладывают в это слово. Разница примерно такая же, как между человеком с рыжими волосами и человеком в парике цвета морковного сока: и тут и там «рыжий», но когда понимаешь контекст, когда понимаешь, какой конкретно рыжий имеется в виду, представление об этом человеке кардинально меняется.

Так и с «Шато Мусар»: оно настолько отличается от других красных вин, что его, вероятно, следует вынести в отдельную категорию (как, собственно, и поступил Майкл Бродбент в своей книге «Марочное вино» – авторитетном и поразительно всестороннем описании полувекового опыта дегустации).

«Шато Мусар» производит человек по имени Серж Ошар (сын Гастона, основателя винодельни), причем в условиях, которые на протяжении долгих лет по праву считаются «сложными». Когда другие виноделы сетуют, что год был

непростым, они имеют в виду слишком поздние заморозки или слишком влажный сентябрь; когда господин Ошар говорит, что у него был непростой год, начинаешь подозревать, что он имеет в виду пехотные мины, застрявшие в лозах, или неожиданно большое количество кратковременных и внезапных непрошеных визитов израильской авиации. «Шато Мусар» производят в Ливане. Точнее, в долине Бекаа, известной тем, что там десятилетиями располагаются тренировочные лагеря террористов/борцов за свободу (нужное подчеркнуть в соответствии со своими убеждениями). Разные шутники регулярно трясут бутылки «Шато Мусар» возле уха и утверждают, что слышат характерное бряцание шрапнели о стекло.

Несмотря ни на что, господин Ошар производит вино каждый год (исключение составил лишь один сезон), и это не какой-нибудь горлодер, а первоклассный и очень ценный напиток; «Мусар» – тонкое вино во всех смыслах слова.

Но очень своеобразное; опять-таки некоторые, причем именно из-за букета, а не в силу предрассудков, терпеть его не могут. Говорят, что и его, и «Лафройг» можно со временем распробовать, но я не уверен. Подозреваю, что в отношении обоих напитков многие все же придерживаются изначального мнения, а не делают пресловутый шаг от ненависти до любви. Ладно, ближе к делу. «Лафройг» – тот еще чертяка, особенно для тех, кто его не любит. Удивительно торфянистый (удивительно потому, что в процессе его изготовления используется меньше торфа, чем при изготовлении виски, о которых принято говорить, что они торфянистые), он сразу же взрывается запахами, которые можно найти в аптечке, на пристани, на складе дорожных материалов или даже на заводе: жидкость для полоскания рта, дезинфицирующее средство, йод, сладкие пастилки от кашля… кислые пастилки от кашля… водоросли, деготь, бензин, масло… Сильный, безудержный напиток, хотя, кажется, уже не такой безжалостно резкий, как раньше.

Думаю, эту перемену можно объяснить не только тем, что в последние годы «Лафройг» действительно стал немного мягче, но и тем, что этот виски и вправду очень медленно зреет, оставаясь отчаянно неугомонным, темпераментным и энергичным даже в том возрасте, когда другие начинают перенимать характер бочки, деревенеть. Но этот молт не таков. В десять лет он яростен, полон противоречивых привкусов, в нем есть сладость, кислинка, оттенки дегтя, торфа, перца, жженки. Они не сочетаются друг с другом и для некоторых, как я уже сказал, остаются хаосом, но чудесным образом сливаются воедино. Спустя еще пять лет вкус такой же мощный, хотя более гармоничный,

чуть более сладкий, глубокий, не такой требовательный, а в тридцать он достигает «ммм, почти идеальной стадии» (верю, сам «Лафройг» такой выдержки не пробовал, но у меня есть надежные источники, которые пока не подводили).

Дистиллерия «Лагавулин», расположенная чуть дальше по побережью (бочка виски докатится играючи), с небольшим отставанием занимает второе место по наглости вкуса – так и было задумано, потому что человек, построивший этот заводик, сэр Питер Макки, хотел перенять славу «Лафройга». Сейчас на берегу стоит комплекс из трех отдельных цехов, которые, образно говоря, переняли славу примерно десятка лачужек с перегонными кубами, где спирт гнали в качестве небольшого кустарного промысла еще в доакцизные времена и каждый местный житель был докой в этом деле.

В стародавние времена: вискикурение как подсобный промысел

В старину крофтеры (этим шотландским словом обозначаются мелкие фермеры) делали виски просто потому, что это было неотъемлемой частью их жизни. Люди растили ячмень, потом сколько могли скармливали семье и скотине, а излишки либо продавали, либо пускали на виски, который тоже можно было или употребить самим, или продать. Производство виски как нельзя лучше помогало сберечь излишки, поскольку в сыром климате ячмень плесневеет. А виски – нет.

Для крофтеров изготовление пива или виски из выращенного зерна стало таким же естественным занятием, как посевная в начале сезона и жатва в конце. Правительство было от них очень далеко и никак не влияло на их жизнь. Когда виски стал превращаться в товар и использоваться для получения прибыли, власти запретили производить его кустарным способом, без уплаты акцизного сбора. Крофтеры, надо думать, пришли в бешенство: для них такая мера была равносильна введению налога на кипячение воды или варку супа. Неудивительно, что чиновникам акцизного ведомства, которые следили за исполнением нового, ненавистного всем закона и приносили в казну отнятые у народа деньги, приходилось сталкиваться с различными препонами, всеобщей неприязнью, а то и с неприкрытой агрессией.

Для производства «Лагавулина» используются перегонные кубы грушевидной формы, причем они так похожи на груши, что кажется, будто их сделали такими намеренно. На вкус этот виски суховатый и соленый, обычно в нем чувствуется большее влияние хереса, чем в ровеснике с завода «Лафройг», хотя «Лагавулин» точно так же отдает дымом и торфом. Долгое время он был вторым в списке моих любимцев с Айлы, чуть-чуть опережая восхитительный «Ардбег».

Но мои вкусы, кажется, действительно изменились, и теперь непосредственно за «Лафройгом» я ставлю «Боумор». «Боумор» изготавливают на северо-западе от южной «Большой тройки», на относительно теплых берегах Лох-Индаала (Loch Indaal). Одноименная вискикурня обеспечивает широкий диапазон сортов и за счет этого входит в узкий круг лучших заводов Шотландии; наряду с двенадцати-, семнадцати– и двадцатиоднолетними виски здесь есть варианты с такими названиями, как Legend (от восьми до десяти лет), Mariner (пятнадцать) и Darkest (думаю, примерно ровесник «Мэринера», хотя точный возраст не указан). Если не жалко времени и денег, можно найти и другие сорта, но перечисленных уже достаточно.

Скажу так: вышеупомянутые скотчи варьируют от просто очень хороших до совершенно поразительных, они обладают силой и богатством вкуса, в существование которых во взрослом виски трудно поверить. В них чувствуется сильный привкус дыма (правда, это дым летних костров, а не просто тлеющего торфа), нотки морского бриза и целый спектр ароматов из очень богатой цветочной палитры. Восхитительный, жизнеутверждающий скотч. Я могу понять людей, которым не нравится «Лафройг» или другие «южане», но если ты не влюблен в «Боумор», то, наверное, тебе вообще не стоит тратиться на виски.

Эстетика дистиллерии: крайне субъективный обзор

Многие дистиллерии довольно красивы. Многие – наверное, большинство – построены в очень приятных, а то и совершенно великолепных местах. Конечно же, ни благородство окружающего вискикурню пейзажа, ни ее архитектурная ценность никак не связаны с качеством производимого напитка. Существует несколько красивых заводов, которые стоят в изумительных местах, как бриллианты в дорогой оправе, или отличаются необычайно интересными архитектурными решениями, но производимые там молты особо высокой

ценности не имеют (правда, с их добавлением частенько получаются хорошие купажи). В свою очередь, например, дистиллерия «Гленли?вет» (Glenlivet), которая, несмотря на характерный для Спейсайда чудесный пейзаж с холмами и долинами, выглядит, откуда ни посмотри, как-то нелепо; это растянувшийся по склону хаос архитектурных стилей, пропорций и материалов, которые в совокупности являют собой не самое приятное зрелище.

Но все это неважно, потому что виски «Гленливет» по праву считается одним из лучших продуктов Спейсайда, да и вообще одним из лучших односолодовых виски. Было бы здорово, если бы он производился в таком месте, которое соответствует его уровню: либо в исключительно элегантных, почти безупречных природных условиях, либо в здании, спроектированном Лаченсом[7 - Лаченс Эдвин (1869–1944) – крупнейший представитель архитектуры британского неоклассицизма. Президент Королевской академии художеств с 1938 г. Один из создателей современного типа комфортной пригородной усадьбы.] или сэром Ричардом Роджерсом[8 - Роджерс Ричард (р. 1933) – титулованный британский архитектор, один из зачинателей стиля хай-тек. При его участии спроектированы такие здания, как Центр Помпиду в Париже, выставочный зал «Купол тысячелетия» и штаб-квартира страховой компании «Ллойд» в Лондоне, Европейский суд по правам человека в Страсбурге и мн. др.], однако это производило бы только внешний эффект; да и вообще пусть лучше внимание заинтересованных потребителей будет сосредоточено не на зданиях, а на виски, но не иначе.

Дистиллерии Айлы проигрывают в сравнении с окружающей красотой. Меньше всех повезло в этом смысле «Бруклади» и «Боумору»: первая – это комплекс приятных глазу построек возле крошечной деревушки, перед которым тянется местами песчаный, местами каменистый берег глубокой морской бухты, а позади – невысокие, поросшие лесом холмы (местоположение, как вы понимаете, чертовски удачное, но все познается в сравнении); вторая – это примерно то же самое, но на другом берегу Лох-Индаала. На самом деле, вискикурня настолько прочно срослась с городом Боумор, что при перегонке спирта излишки горячей воды обогревают местный бассейн, расположенный по соседству. Опять-таки, Боумор (по сути, столица Айлы) – изящный, привлекательный городок, который не может испортить вид стильных, аккуратных заводских корпусов на его южной границе; просто другие островные вискикурни расположены в столь пленительных местах, что дух захватывает.

Из трех заводиков на южном побережье виден длинный язык моря, который представляет собой… честно сказать, я и сам не знаю, что он собой представляет. Даже после тщательного изучения отцовских морских карт, выпущенных в свое время Адмиралтейством, я так и не решил, к чему он относится: то ли к Ирландскому морю, то ли к Атлантическому океану, то ли к проливу Саунд-оф-Джура (Sound of Jura). В любом случае там довольно глубоко, а зимой сильно штормит. Миниатюрные островки, больше похожие на зубчатые обломки скал, пронзают поверхность воды, а вискикурни выглядят так, будто совершенно случайно очутились в ломаных складках земной поверхности, будто поселились там вместе с галькой, озерами и деревьями, а потом поерзали и устроились поудобней.

Выглядят они элегантно. Побеленные стены, черные крыши и элементы декора, пропорциональные постройки, ухоженные лужайки – в целом атмосфера неброской гордости. Названия пишут ОГРОМНЫМИ БУКВАМИ на самой высокой стене, выходящей к морю; если фотографировать с нужного ракурса, потом не придется чесать голову и бормотать: «Вроде бы смахивает на “Лафройг”, а может, и на “Ардбег”…»

«Кул Айла» (Caol Ila) и «Буннахавен» (Bunnahabhain) притаились в еще более впечатляющих местах и льнут к подножиям крутых холмов, от чего возникает ощущение, будто они в любой момент могут упасть в воду. «Кул Айла» обращена на противоположный берег Саунд-оф-Джура, а «Буннахавен» выстроена вдоль пролива, в сторону моря, но из обеих дистиллерий прекрасно видны три огромные каменные груди с сосками, возвышающиеся на другом берегу: это скалы Папс-оф-Джура (Paps of Jura). Раньше на берегу неподалеку от вискикурни «Буннахавен» лежало на удивление целое, хотя и ржавое судно, налетевшее на скалы, – лет десять назад я проходил мимо него на пароме, возвращаясь с Колонсея (Colonsay). С тех пор штормовое море, что выбросило судно на берег, оставило от него только обломки.

Учитывая удаленность и первозданность пейзажа, как-то даже странно, что «Буннахавен» производит, наверное, самый мягкий, наименее резкий виски на острове; да, тоже с привкусом масла и соли, сладкими нотками хереса и отголосками торфа, но все же в сравнении с остальными продуктами Айлы и ярким, энергичным окружением напиток получается удивительно спокойным. Мне кажется, у меня выходит не самая лестная похвала, но это вправду превосходный молт, и если бы все виски с Айлы были яростными, как «Лафройг», швыряющий торф, дым и йод прямо тебе в лицо, то остров от этого сильно бы

проиграл. «Буннахавен» скорее похож на могучего тихоню, и это ему только в плюс. Его часто используют для изготовления «Блэк Боттл» (Black Bottle) – наверное, лучшего из доступных блендов, который точно понравится любителям островного виски с Айлы.

На острове Айла я останавливаюсь неподалеку от Порт-Эллен, на ферме «Балливикар» (Ballivicar), у Тоби и Харриет Роксбур. Тоби – румяный тостяк, шотландец до мозга костей, но, по собственному утверждению, говорит с «кристальным прононсом». Тоби, как никто другой, освоил взгляд василиска (мне повезло, что он никогда не смотрел на меня в гневе) и однажды послал куда подальше самого Роберта Максвелла[9 - Максвелл Роберт (1924–1991) – медиамагнат, глава издательства «Макмиллан» с 1988-го по 1991 год. Погиб при невыясненных обстоятельствах во время морской прогулки на яхте.], ныне покойного, после чего выжил, даже не потеряв работу, и рассказал, как было дело. За одно это ему от меня огромный респект.

Эрудит, острослов, знаток литературы, Тоби вошел в мою жизнь как редактор издательства «Футура», купившего права на издание «Осиной фабрики» в мягкой обложке. Позже он согласился на публикацию «Вспомни о Флебе»[10 - «Вспомни о Флебе» – роман, опубликован в 1987 г. Русские издания: Бэнкс И. Помни о Флебе / Пер. А. Миллера. М., 2002; Бэнкс И. Помни о Флебе / Пер. Г. Крылова. М.-СПб., 2008.] – моего первого научно-фантастического романа. По-настоящему мы познакомились в 1986 году, когда я впервые участвовал в конвенте фантастов. Я говорю «познакомились», но подразумеваю, что сам лежал на полу в баре со стаканом пива на груди, размышляя, почему потолок нависает так низко, а Тоби в это время накачивал мою жену шампанским.

Во время того же конвента, «Мексикон II», я познакомился с Джоном Джарролдом. Джон, знаменитый фэн (не стану вдаваться в тонкости и даже основы явления под названием «Британский фэндом научной фантастики, его нравы и обычаи в конце XX века» – понятия типа «знаменитый фэн» нужно принимать как данность), впоследствии стал уважаемым редактором, причем не только фантастики.

Мы с Джоном какое-то время не пересекались, и оба уже сто лет не виделись с Тоби и Харриет, а посему организовали встречу на Айле: Джон прилетел раньше меня, в пятницу днем, из Гастингса, через «Хитроу» и Глазго. А завтра у меня – встреча с фотографом Мартином Греем. Мартину досталась незавидная миссия: сделать мою приличную фотографию для обложки. Редактор этой книги, Оливер

Джонсон, прилетает в понедельник, а Джон обратным рейсом улетит в южном направлении.

Джон сидит на кухне Роксбуров; он только что доел баранину, от которой я отказывался, но только вначале. Выглядит он бесподобно: белый свитер грубой вязки, пышные седые усы и борода – с виду тоже грубой вязки. У Джона, по-моему, идеальная память: он помнит пьесы Шекспира, тексты всех когда-либо экранизированных мюзиклов и диалоги из большинства фильмов последних пятидесяти лет. Вкупе с непреодолимым желанием поделиться этими знаниями эрудиция делает Джона совершенно невыносимым, особенно когда пытаешься в его компании посмотреть фильм, который он видел, а ты нет (но это мелочи жизни).

А он порой начнет сыпать цитатами из Шекспира, ты говоришь себе: «Ха, это и я знаю!» – и подхватываешь, но в итоге неизбежно оказывается, что ты помнишь только пару строк, тогда как Джон готов продекламировать целый акт, а то и следующий. Ну ничего, зато с ним не соскучишься, да к тому же в конце восьмидесятых, как-то поутру, на балконе отеля в Брайтоне, он, похоже, спас мне жизнь, так что не стоит на него наезжать, если он образованнее меня (мы еще поговорим о сцене на балконе и о вечеринке у Тоби, начавшейся под девизом «Совсем по чуть-чуть, друзья мои»).

Харриет, жена Тоби – такой же чудесный человек. У нее румянец ярче, чем у мужа, и при этом необыкновенный, звонкий, заразительный смех. Она обладает удивительной способностью управлять нагруженным квадроциклом, не отвлекаясь на небольшой отряд собак и детей. Кроме того, она управляет колесницей (у них есть нехилая колесница, сделанная из фанеры, старой автомобильной оси и чего-то, похожего на гнутые опоры строительных лесов; Харриет запрягает битюга клейдесдальской породы и в компании непоседливых, горластых детей рассекает по полям. Зачем – ума не приложу). Когда Харриет разгуливает по двору, в каждой руке у нее обычно болтается ведро чего-то зловонного или просто пахучего.

Роксбуры и их ферма, несмотря на все причуды, могут служить достаточно точным слепком нынешнего британского фермерства определенного – то есть небольшого – масштаба. Они держатся на плаву за счет невероятного разнообразия видов деятельности и помимо стандартного для их местности животноводства (здесь разводят и овец, и крупный скот, причем оба эти занятия постоянно и невообразимо усложняются головоломными правилами ЕС и

ДЕФРА[11 - ДЕФРА – Департамент по защите окружающей среды, вопросам продовольствия и сельского хозяйства, подразделение Министерства сельского хозяйства Великобритании.], для описания которых даже не подойдет слово «иезуитские», поскольку оно предполагает внешне рациональные и элегантные доводы) сдают отдыхающим домики, перестроенные из конюшен, организуют катание на лошадях, занимаются переработкой макулатуры и заготовкой фуража, да к тому же Тоби выделяет неделю в месяц на работу редактором местной газеты «Айлич». Примечание: вне зависимости от того, как произносится название острова – «Айла» или «Айлей», айлич (то есть житель Айлы) произносится именно айлич. Извините за постоянные сложности с произношением, но, как время от времени говорит мне компьютер механическим голосом, «я не виноват».

Незадолго до нашего приезда на Айлу дочь Тоби и Харриет Белинда вернулась из роддома, находящегося в Глазго. Кто не отличется богатырским здоровьем, тот, прожив долгие годы на таком островке, как Айла, рано или поздно убедится, что вертолет «Скорой помощи» – это слишком шумно и отнюдь не пафосно. Белинда вернулась домой со своей прелестной новорожденной дочкой Бет, сестренкой Рейчел. Рейчел уже четыре года, она девушка с характером. Раскованно поет в ванной и постоянно что-то мурлычет, когда рисует. Очаровательная, целеустремленная и невероятно настойчивая маленькая ворчунья, она, возможно, унаследует фамильный смех от мамы и бабушки, но об этом судить еще рано. Меня она просто покорила. Мужа Белинды зовут Роберт, он шеф-повар в ресторане гостиницы «Макри?», расположенной неподалеку от дома, готовит деликатесы из местных гребешков, оленины и говядины.

Едем в «Макри» обедать – и вдруг видим ястреба.

– Ух ты, – кричу я. – Глядите! Ястреб!

Мы с Энн состоим в Королевском обществе защиты птиц, но в орнитологии разбираемся слабо; ястреб – один из немногих крупных пернатых, кого мы узнаем безошибочно. Сейчас их стало намного больше, чем раньше, но все равно увидеть ястреба в естественной среде – знаменательное событие. Большая, степенная взрослая птица летит над полем, чтобы занять позицию на ближайшем телефонном столбе и высматривать добычу.

– Эка невидаль, – мрачно смотрит на него Тоби. – Ястребы. Из-за них у нас в округе нет певчих птиц.

– Ой, – спохватываюсь я, а про себя думаю: «Опять ты, Бэнкс, выставил себя городским остолопом».

– А выдры…

– У вас есть выдры? – Я вновь приободряюсь. – Обожаю…

– Эти сволочи пожирают уток, – рычит Тоби.

– О.

Айла – плодородный, изобильный край, где живет и, можно сказать, царит дикая природа. В прибрежных водах обитают дельфины и тюлени, пищей им служат бесчисленные породы рыб и ракообразных. По лесам и холмам бродят олени трех видов, причем создается впечатление, что они задались целью – исключительно из спортивного интереса – нежданно-негаданно выскакивать по ночам на дорогу. Остров населяют разнообразные хищные птицы, в том числе и ястребы – враги певчих птах; тучи летящих на зимовку гусей (их тоже минимум три вида) ковром накрывают поля, чтобы подкрепиться и взамен удобрить почву; фазаны, толстые, цветастые щеголи, разгуливают по полям, зарослям и обочинам, а также с отсутствующим и слегка растерянным видом исследуют асфальт, будто смутно подозревая, что соваться сюда не стоило… и в самом деле, многие из них находят смерть под колесами; выдры (кыш! брысь! плохие выдры!), зайцы – этих просто тьма, они вечно от кого-то улепетывают на своих не по росту длиннющих ногах, будто позаимствованных у молодой газели; кролики, а также множество других мелких зверушек, которые обычно попадаются на глаза уже раздавленными: они испещряют холмистые, извилистые, усеянные клочками торфа островные дороги бурыми пятнами меха, мяса и косточек. Эти пятна, особенно когда свежие и даже слегка шевелятся, вызывают жадный интерес у шумных вороньих стай, которые иначе дружно пустились бы на поиски недавно павшей овцы, чтобы выклевать ей глаза или полакомиться сочным мясом из беззащитного подбрюшья. Живности на острове столько, что она даже влияет на производство виски. Самые большие злодеи – это гуси, которые не раз склевывали ячмень, лишая его чести превратиться в виски. Не остаются в стороне млекопитающие и даже рыбы: когда мы приехали на вискикурню «Буннахавен», рабочие демонтировали одну из охладительных колонн, потому что угодившая туда из моря форель застряла в теплообменнике и тем самым остановила весь ход производства. У горячей трубы рыбина вполне

равномерно пропеклась и, возможно, в итоге была съедена, но история об этом умалчивает. Во время нашего отъезда обсуждался вопрос об установке более надежной решетки на входное отверстие трубы, потому что в прошлом году там же умудрилась застрять выдра.

Пусть Айла – это не Серенгети[12 - Серенгети – национальный парк в Танзании, где поддерживается естественная экосистема одного из географических регионов Африки.], но жизнь на ферме, особенно в тех местах, где много дикого зверья, быстро открывает приезжему неприглядные реалии жизни и смерти. Кто раньше не знал, для чего хищникам нужны зубы и когти, тот очень скоро будет избавлен от иллюзий. Видимо, по этой причине фермерство – занятие главным образом потомственное; если же человеку просто захотелось поработать с животными, на ферме он долго не продержится.

Насколько я понимаю, у любого фермера имеется целая обойма мрачных страшилок про животных. Он с придыханием сообщит вам такие физиологические подробности, как «выпадение матки» или «кишащая червями рана», вероятно, для того, чтобы напомнить о не измеряемой деньгами ценности съеденных вами блюд (которые после таких кошмарных историй, не ровен час, придется соскребать со стола). Причем на фермах, где занимаются преимущественно земледелием, а не животноводством, тоже можно услышать такие истории, что отвратят от еды даже голодного стервятника.

Жизнь на ферме «Балливикар» видится мне сложной, во многом физически и эмоционально изнурительной, но зато это непосредственное, зачастую вознаграждаемое сторицей существование в безостановочном сельском калейдоскопе, где мелькают удобрения и корма, сено и компост, комбайны, трактора и гвозди, куры, кошки, собаки, овцы, коровы, пони, лошади, бесчисленная дикая живность и ватага бегающих во дворе здоровеньких щекастых детишек, босоногих, горластых, перепачканных навозом и при этом совершенно счастливых. Где, как не на ферме, с тобой заведет увлекательную беседу смышленое, радостно шмыгающее носом четырехлетнее создание, которое для начала спросит, как тебя зовут, а потом покажет длинную пластмассовую трубку, на которой сподручно исполнить песенку; ты обведешь глазами залитый солнцем простой пейзаж – изумрудную траву, плодородную красноватую землю, чистое голубое небо – и про себя удивишься: «Боже правый, неужели кто-то еще растит детей в городе?»

И сам же ответишь: да, миллионы, потому что у них нет выбора, потому что так испокон веков живет наш мир и вряд ли надумает жить иначе. Тебя вдруг захлестнет тревога об этой крохе: ты представишь, как ее солнечная искренность, светлая, пытливая невинность переносится в большой и алчный город, где обернется только обузой и слабостью в глазах тех, у кого нет ни стыда, ни совести, а есть лишь стремление объявить доверчивость глупостью, а человека – бросовым товаром, которого нежалко.

Однако по зрелом размышлении ты скажешь себе, что стоящему перед тобой ребенку так или иначе даровано прекрасное начало жизни, а детство, которое не боится ни навоза, ни грязи, ни луж, ни крапивы, – это лучшая прививка против инфекций и аллергий, куда более действенная, чем существование под безупречно стерильным колпаком, а потому сельская жизнь на свежем воздухе, с синяками и разбитыми коленками, преподаст ему немало уроков на все случаи жизни: о доверии и предательстве, о надежности и уверенности. Дети не так хрупки, как мы боимся, и не так глупы, как нам кажется, просто мы, наверное, тревожимся больше, чем следует.

* * *

Детство: сентиментальное возвращение

Мне кажется, для жизни ничто не имеет более определяющего значения, чем детство, проведенное в любви и заботе. Разве что безвременная смерть близких: она может перевесить, может сильнее повлиять на путь человека. Даже огромный выигрыш в лотерею или другая фантастическая удача в сравнении с ней почти ничего не значит, поскольку след, оставленный в жизни, непременно будет определяться реакцией на смерть.

Человек, которого любили, которого научили ценить себя, уважать других и проявлять это уважение, который чувствовал участие и заботу, которого старались оградить от невзгод, не давая при этом ложных надежд на безмятежность жизни, – такой человек обладает богатством куда более ценным, чем унаследованные деньги или титулы; такой человек наверняка куда лучше справится с житейскими трудностями, чем тот, у кого есть только материальное

преимущество. Ничто не гарантирует успех или хотя бы выживание, и даже самые благоприятные предпосылки могут быть разрушены бедой, но шансов избежать трагедии – и легче пережить все мелкие трудности – больше у того, кто в детстве был любим.

Должен признаться, что мой интерес неслучаен: мне сказочно повезло – родители меня любили и были готовы на все, чтобы обеспечить мне лучшую путевку в самостоятельную жизнь. Наверное, мне доставалась вся их любовь, потому что я был единственным ребенком, и, наверное, их чувства только усиливало то, что за несколько лет до меня у них родилась дочь, Марта Энн, но у нее было расщепление позвоночника, и она прожила всего шесть недель.

По этим ли или другим причинам я жил, пользуясь всеми обычными преимуществами единственного ребенка и даже больше – например, когда моему отцу подавали лучший кусок мяса, он отодвигал его со словами:

– Пусть парень съест. Ему расти нужно.

Так мы и жили, поэтому я вырос с уверенностью, что все должно делаться для моего удобства, что мне всегда будет доставаться лучшее. Это чувство собственного превосходства проникло в меня так глубоко, что я даже был не против, если кто-нибудь периодически оспаривал мое положение. Я просто терпеливо улыбался и даже радовался за этого скептика; конечно, то, что досталось им, на самом деле мое, но хорошо, что и им удалось поживиться, и, даже если они не ценили полученное, я все равно мог наслаждаться своим – хоть и продиктованным обстоятельствами – великодушием.

Единственной сферой, где я мог признать чужое превосходство, была школа – в нашем классе училась симпатичная светленькая девочка по имени Мэри Хендерсон. Мэри всегда лучше всех писала контрольные, а я занимал почетное второе место (правда, один раз, когда она вернулась после болезни, мы на какое-то время поменялись ролями, но даже во втором классе я понимал, что это не считается). Умница и красавица. Естественно, я влюбился в нее так страстно, как только мог на той стадии недоразвитости, и Мэри стала моей первой подружкой – мы с ней были неразлучны с пяти лет до девяти, а потом я уехал из деревни. На этом дело не закончилось (хотя она того не ведала), потому что я был в нее безнадежно влюблен и в четырнадцать, но это совсем другая история. Мы изредка общались, и через много лет, когда она уже работала в юридической конторе в Эдинбурге, именно она продала мне мою первую квартиру.

В общем, у меня было счастливое детство.

Многие из тех, кто читал «Осиную фабрику»[13 - «Осиная фабрика» – роман, опубликованный в 1984 году. Русское издание: Бэнкс И. Осиная фабрика. СПб., 2003.] – и поддался старому идиотскому убеждению, будто люди пишут только о том, что знают из собственного опыта, а первые романы всегда автобиографичны, – вероятно, сочли, что у меня было ужасно сложное, даже страшное детство. Но это совсем не так.

Давным-давно в Эдинбурге устроили презентацию по случаю выхода в свет «Канала грез»[14 - «Канал грез» – роман, опубликованый в 1989 г. Русское издание: Бэнкс И. Канал грез. М., 2003.]. До этого все презентации проходили в Лондоне, но я, видимо, достал издателей своим нытьем, что в Лондоне такие мероприятия теряются среди всяких сборищ и обычной суеты; так не перенести ли празднование в Шотландию, где оно наверняка станет событием? Издательство уступило. После столь долгих уговоров, сильно опасаясь, как бы презентация не обернулась одним из тех творческих вечеров, на которые является один прохожий с собакой, я пригласил почти всех своих родственников, включая родителей. В итоге книжный магазин был полон, я, как водится, прочитал несколько глав, ответил на вопросы, присутствующие, судя по всему, остались довольны, и я уже раздавал автографы, когда какой-то приехавший по обмену студент-американец сказал:

– Прочитал я тут «Осиную фабрику»: сразу видно, в детстве у вас была серьезная склонность к психопатии.

«Ха-ха, – подумал я. – В кои-то веки можно привлечь свидетеля и опровергнуть эти домыслы!»

– Ничего подобного, – ответил я. – Могу предоставить вам доказательства. Видите вот ту невысокую седую женщину? Это моя мама, спросите у нее, какое у меня было детство.

Парень отошел, я подписал еще несколько книжек и вдруг поверх гомона собравшейся толпы услышал мамин голос:

– Ну нет, Иэн рос очень счастливым ребенком.

Так что этот вопрос можно считать закрытым.

3. Глаза разбегаются

– Бэнкси, ты правда пишешь книгу про виски?

– Да, мне поручили объехать…

– Без помощника тебе не обойтись. Можешь на меня рассчитывать.

Мы с мистером Джарролдом, слегка похмельные, с приятностью провели солнечный субботний день, без спешки объезжая закрытые дистиллерии, чтобы я мог пофотографировать их названия, выведенные ОЧЕНЬ КРУПНЫМИ БУКВАМИ на побеленных стенах. Поначалу меня слегка озадачило, что вискикурни по субботам выходные: я-то надеялся оперативно завершить их объезд и показать редактору Оливеру свое рвение в деле сбора материала; но вискикурни – это, строго говоря, предприятия пищевой промышленности с пятидневной рабочей неделей, хотя там можно пойти на экскурсию и заглянуть в инфоцентр; и если – по крайней мере до Пасхи и начала сезона отпусков – они и не притягивают к себе толпы народу, то в этом состоит их особая прелесть.

Обедаем в ресторане гостиницы «Харбор-инн» с видом на Лох-Индаал и гавань. Вначале собирались просто перекусить, но после изучения меню непонятным образом склонились к полноценному обеду из трех блюд. Я оглядываю десерт и обдумываю, не пристегнуть ли его сразу ремнем к талии – все равно на талии он и осядет, – но потом все-таки съедаю. Затем мы бредем/ковыляем к магазину виски «Боумор» и покупаем целый ящик: по бутылке от каждой из семи работающих на Айле дистиллерий плюс бутылка старого «Порт-Эллен». Завод «Порт-Эллен», что на восточной границе одноименного города, уже не производит виски, а лишь поставляет ячменный солод пяти местным вискикурням, тем самым по-прежнему играя важную роль в островной экономике и влияя на общее качество виски с Айлы.

Ассортимент магазина «Боумор» поразительно широк, и меня немного заносит: я трачу непомерную сумму, но зато выбираю самые старые разновидности предлагаемых сортов (кстати, производители говорят не «разновидности», а «экспрессии» – по-моему, куда солиднее; а покупать самый старый виски без предварительного исследования по меньшей мере глупо: возраст – это еще не все).

В свое оправдание могу только сказать, что в тот момент идея показалась мне стоящей.

Потом мы немного катаемся по острову, фотографируем и уже без труда распознаем надстройки, похожие на пагоды – остатки старых сушилок, где дистиллерии раньше заготавливали собственный солод; они выдают расположение вискикурен.

– О, вот еще одна характерная пагода.

– Действительно… Эй, смотрите! Вон там, у того дома – пластмассовый гусь в натуральную величину! Да не один, их там полно! И всего по тридцать пять фунтов, надо же! Я, пожалуй, куплю! Может даже, парочку!

– Вы, похоже, совсем потеряли счет деньгам, согласитесь, Иэн.

– …интересно, у них внутри есть лампочки? А? Что, простите?

Виски: как это делается

(Те читатели, которые уже знают, как делается виски, захотят, вероятно, пропустить эту часть. За исключением всезнаек, которым лишь бы придираться и выискивать ошибки.)

Виски производят из ячменя. Ячмень – это злак, который хорошо растет в относительно холодном и влажном климате Шотландии. Собираешь ячмень, замачиваешь в воде, чтобы он проклюнулся, а потом сушишь, чтобы не слишком прорастал. Суть в том, чтобы содержащийся в зернах крахмал превратился в

сахар. (Так-то от ячменя проку мало: либо посеять, либо кашу сварить. А сахар – штука полезная, без него алкоголь не получится.)

Именно в процессе сушки можно добавить привкус торфа. В прежние времена ячмень сушили над горящим торфом, и, естественно, проросшие зерна впитывали запах дыма. В ту пору каждая вискикурня солодила ячмень самостоятельно. Соложение – это и есть вышеописанный процесс, в результате которого получается ячменный солод, или просто солод; отсюда и название «солодовый виски».

После замочки (можно сказать и «замачивания», но у шотландцев так не принято) прорастающий ячмень раскладывали на полу огромного цеха, где по нему туда-сюда ходили мужики и тащили за собой доски, которые постоянно ворошили, как бы вспахивали ячмень, чтобы воздух попал на каждое зернышко. Процесс соложения может занимать от одной недели до почти двух. Сейчас мало какие заводы сами заготавливают солод: «Балвени» (Balvenie) в Спейсайде, «Боумор» и «Лафройг» на Айле, «Спрингбэнк» (Springbank) в Кэмпбелтауне (Campbeltown), что на мысу Малл-оф-Кинтайр, и «Хайленд Парк» (Highland Park) на Оркнейских островах, неподалеку от Керкуолла. Остальные закупают солод у производителей-специалистов, оговаривая при этом нужную степень торфянистости.

После этого солод перемалывают – тут важно вовремя остановиться, чтобы получилась не мука, а так называемая крупка.

Бывало, что на этой стадии заводы взрывались.

Кроме шуток. Любая органическая пыль, смешанная с воздухом в определенных пропорциях, может рвануть при наличии источника возгорания типа искры (взрыв на кондитерской фабрике – может, кому-то это кажется смешным, только не тем, кого накрыло взрывом), а поскольку ячмень растет на земле, среди зерен иногда оказываются камешки. Если они попадут в металлические лопасти мельницы, проскочит искра, солодовая пыль загорится – и бабах! Поэтому на заводах принимаются меры к удалению камешков.

После этого в заварочном чайнике варится пиво, его переливают в ведро и кипятят в баке. Затем бочка, бутылка – и можно пить.

Да, это немного упрощенная схема, в которой не учитывается ни огромное мастерство, ни годы, а то и десятилетия ожидания, но в общих чертах все так.

Солодовая крупка попадает в большой металлический цилиндр, так называемый заторный чан, емкостью обычно много тысяч литров. Туда добавляют горячую воду, полученную смесь помешивают, чтобы процесс не останавливался, и вода потихоньку стекает через ситообразное дно чана; эту операцию повторяют дважды, какая-то часть воды используется повторно. После окончательного слива в заторном чане остается барда, которая в гранулированном или прессованом виде становится отличным кормом для скота (скоту, наверное, обидно, что алкоголя в ней уже нет, поэтому, если гид на вискикурне скажет, что поблизости гуляют «веселые» коровы, проявите понимание и улыбнитесь).

А та сладкая бурая жидкость, слитая из чана, называется суслом… н-да… сусло отправляется к невоспетым героям процесса перегонки – в промежуточные чаны (а вся слава достается заторным и бродильным – это несправедливо).

Потом заполняются бродильные чаны. Делаются они, как правило, из орегонской сосны, и они похожи на гигантские опрокинутые ведра. Там в сусло добавляют дрожжи, и начинается ферментация. Запущенный процесс сопровождается неистовым бурлением – ни дать ни взять Корриврекан[15 - Корриврекан — морской водоворот в Шотландии, между островами Скарба и Джура. Туристическая достопримечательность.] местного масштаба. Создается впечатление, будто жидкость гоняют с помощью огромного пропеллера, закрепленного на дне, но нет: процесс идет за счет энергии, высвободившейся из сахара. В чане есть мотор, обычно закрепленный в крышке: он управляет дощечкой, которая при вращении сбивает пузырьки. В противном случае пена может переполнить сосуд и убежать, что напомнит о дешевых спецэффектах из фантастических фильмов пятидесятых. Полезный совет: не надо совать голову в чан и глубоко вдыхать – от углекислого газа можно легко вырубиться.

Когда бурление утихает, полученная жидкость запахом напоминает домашнее пиво крепостью примерно восемь градусов – довольно много по пивным стандартам (а вкус, если честно, дерьмовый по любым стандартам, зато слабительный эффект потрясающий – достаточно выпить, скажем, чуть больше половины чайной чашки).

Эта омерзительная жидкость переливается в перегонный куб – медное, эффектное, фотогеничное лицо процесса. (Фотогеничное – это если вам дадут

сфотографировать. В большинстве дистиллерий Айлы люди спокойные, они не против, но вот на «большой земле», на корпоративных заводах съемки запрещены по причине того, что вспышка может привести к возгоранию паров спирта. По-моему, это идиотизм: неужели мы по сей день пользуемся фототехникой девятнадцатого века? Ну, знаете, были такие маленькие корытца с порошком для вспышки, похожие на миниатюрные строительные лотки для кирпичей – фотографы использовали их, делая дагерротипы карет и дирижаблей. Нет, ну, в самом деле…)

Кубы-дистилляторы бывают двух типов, и их используют последовательно. По сути, это большие чайники; на дистиллериях, чтящих традиции, они нагреваются торфом или антрацитом, а на остальных заводах – газом, бензиновыми горелками или паром. В первом кубе содержащийся в смеси спирт превращается в пар и поднимается в верхнюю часть, откуда уходит по трубе. Этот пар остужается, конденсируется, и жидкость попадает во второй куб, где процесс повторяется.

Жидкость, которую из первого куба отправляют во второй, называют «низкое вино» – это слабоградусный спирт; сухая фракция, оставшаяся после перегонки в первом кубе, и выглядит, и пахнет обычно отвратительно; называется она «барда». Иногда ее добавляют в корм для скота. Правда, это тоже не прибавляет телкам веселья.

После того как дистилляторы выполнили свою задачу, наступает черед проверки качества в спиртовом сейфе (тоже довольно яркая штука: медь, стекло, все дела), где эксперты путем довольно простых химических манипуляций решают, какую часть полученной чистой жидкости следует использовать. Всю использовать нельзя: первый поток слишком крепок и содержит химические соединения, которые лучше не употреблять, а последний поток, уже совсем слабенький, жалкий, ссылают в первый куб на перевоспитание.

Первый поток называется foreshot («головной погон», буквально «предварительный выстрел»), хороший спирт – middle cut («средний срез»), а остатки – feints («хвостовой погон», буквально «ложный выстрел»), хотя в обиходе говорится «голова», «сердце» и «хвосты».

Тут в дело вступает большой прямоугольный контейнер – его с фантазией назвали спиртоприемным баком (и это еще один невоспетый герой – опять несправедливость), – куда попадает спирт, а уже потом идет розлив по бочкам.

Так вот, спирт можно хранить в бутылках, керамических кувшинах и даже в тщательно вымытых железных бочках, но тогда он останется таким же, каким попал в соответствующую емкость (в худшем случае – выдохнется). Но древесина – это совсем другое дело. Она, вполне возможно, даже знаменовала классовые различия: в старину бедняки разливали виски в бутылки, фляги, банки и тому подобное, а люди зажиточные доставали из погребов пустые бочки, оставшиеся от вина, хереса и так далее, и хранили виски в этих бочках. Видимо, это считалось разумным и практичным.

Сейчас виски обычно разливают в привезенные из Штатов бочки из-под бурбона, причем частенько, чтобы сэкономить на транспортировке, их разбирают на бочарные клепки (слегка гнутые, как круглые скобки) и круги. Бочки собирают в Шотландии, и аромат бурбона добавляет зреющему в них виски/спирту новые грани. Молодой, восприимчивый виски особенно хорошо реагирует на бочки из-под хереса, но они дороже – примерно двести пятьдесят фунтов за штуку вместо пятидесяти за бочку из-под бурбона. Некоторые экспериментаторы использовали бочки из-под других напитков, типа рома или красного вина, в результате чего получались очень интересные скотчи (в последнее время такое практикуется все чаще). В любом случае полные бочки отправляются на склад.

И там время замедляется.

Очень сильно.

По закону, должно пройти три года, прежде чем содержимое вообще можно называть «виски», а до этого в бочках находится просто «спирт».

В большинстве дистиллерий виски живет на складах (это великолепные, прохладные, красивые помещения, где витает просто сказочный запах) в два раза дольше установленного минимума, а многие молты вообще зреют по десять-двенадцать лет, прежде чем попасть в бутылку. А потрясающий запах, что витает в этих темных тихих помещениях с земляными, если по всем правилам, полами (даже такой язычник, как я, понимает, что склады – это святая святых), объясняется тем, что даже лучшие бочки не герметичны. Пары просачиваются из бочек в окружающаю атмосферу; они даже проникают сквозь толстые стены стандартного склада, окрашивая их черным, потому что есть особый грибок (да-да, черный), который питается алкогольными парами. Ежегодно испарения уносят примерно два процента объема чистого продукта,

так что за десять лет бочка теряет примерно пятую часть содержимого.

Казалось бы, расточительно, но это лишь на первый взгляд. Как мозг младенца в процессе роста и развития теряет синаптические связи, но формирует сеть устойчивых проводящих путей, так и в бочке формируется богатый аромат. В обоих случаях полученный результат оправдывает все потери. Эти улетучившиеся два процента обычно называют «доля ангелов». Наверное, потому, что «доля грибков» звучит не так романтично.

После бутилирования плотно укупоренный виски уже не зреет и не портится, хотя если бутылку открыли и по какой-то уму непостижимой причине не допили, напиток в течение года-двух полностью выдыхается. (Я вообще поражаюсь, каким образом удалось сделать такое открытие.)

И кстати: бутылки надо хранить вертикально, а не на боку.

Вот и всё.

– Привет, дорогая. Как дела?

– Телефон не перестает!

– Не перестает что?

– Звонить! Все газеты хотят узнать, зачем ты сжег наши паспорта! Я тут с ума схожу!

– Но мы не сжигали…

– Почему тебя в такие моменты всегда где-то носит?

– Удачное планирование? Ха, просто шу…

– Не смешно!

– Это да, но…

– У меня тут крыша едет. Только что разговаривала с дамочкой из «Скотсмена»…

– Мне казалось, нашего номера нет в справочнике. Откуда эти… Ладно, неважно.

– Я не знаю, что делать!

– Отключи телефон, вот и все.

– Боюсь, они нагрянут к нам домой!

– Справедливо. Эта гребаная «Дейли мейл» поймала меня у двери после той истории с «Наркотики? Просто скажи «да».[16 - «Наркотики? Просто скажи “да”» – обыгрывается известный слоган «Наркотики? Просто скажи “нет”».]

– И еще я скучаю. Помоги!

– Так, может, тебе приехать сюда? Приезжай на Айлу. Харриет и Тоби ужасно расстроились, когда я приехал один. Менее самоуверенный тип мог бы заподозрить, что они ждали как раз тебя, а не меня. Хотя это, конечно, бред. Да, в самом деле, приезжай.

– Как?

– На машине?

– Ой, ты же знаешь, я терпеть не могу водить.

– Ну, тогда… поездом до Эдинбурга, там пересадка на Глазго, потом… По-моему, оттуда до Кеннакрейга идет автобус. Вроде бы. Кажется.

– Ты серьезно?!

– Так. Ладно. Хмм… Самолетом?

– До понедельника нет рейсов.

– Ты проверяла?

– Конечно.

– Да пропади они пропадом – забронируй чартер.

– Что?

– Забронируй чартер. Садись в машину или в такси, поезжай в аэропорт и найми небольшой самолет.

– Что, серьезно?

– Да нет, не серьезно, я просто…

– Думаю, можно попробовать.

– Ну…

– Ты точно не против?

– Ну, как бы, хмм…

– Так ты точно не возражаешь?

– Я, ну, я… хмм, нет. Нет, наверное, не возражаю, если ты сильно скучаешь…

– И где мне искать такие конторы? В «Желтых страницах», наверное? Я тебе перезвоню. Пока.

Примерно так и получилось, что после серии фальстартов, входящих и исходящих звонков, мы с Джоном Джарролдом воскресным утром оказались в

пустом аэропорту Айлы: встречали Энн, прилетевшую на невзрачном самолетике «Сессна», который всего сорок минут назад стартовал из Эдинбурга.

– Почему задержался вылет?

– Сначала один двигатель не заводился, потом дверь не закрывалась, потом взлетную полосу заволокло туманом, потом диспетчерская служба не работала. Пилота звали Лорна, девочке всего двадцать пять. Я извинилась, что заставила ее работать в воскресенье, но она сказала, что иначе ей пришлось бы заниматься ремонтом. Какая прелесть!

Я (подозрительно):

– Вы что, кофе пили?

Остаток воскресенья, после того как Энн распаковала вещи, отметила свой приезд с Тоби и Харриет и отправилась немного вздремнуть, я провожу с Мартином-фотографом, снова объезжая большинство дистиллерий, в которых мы с Джоном побывали вчера. Конечно, они по-прежнему закрыты, но в мягком солнечном свете, на фоне спокойного моря, которое плещется у скал, выглядят очень живописно. Отснято, наверное, пленок восемнадцать, из которых использован будет всего один кадр.

Мартин остановился у друзей на северо-востоке острова, неподалеку от озера Лох-Грюинард (Loch Gruinart), но потом вместе с Оливером перебрался в гостиницу, где питание не включено в счет; Мартин оказывается виртуозным гитаристом – правда, мы с Энн пропускаем его импровизированный концерт. Вскоре мы с Мартином понимаем, что у нас есть общие знакомые – он частенько делал обложки для альбомов разных групп и оформил два диска Shooglenifty, а это одна из моих самых любимых команд, и к тому же я знаю ребят лично. В последний раз мы с их гитаристом Малкольмом виделись в феврале на пьянке по случаю моего дня рождения. Смутно помню, что мы живо обсуждали план совместного литературно-музыкального тура по Кубе, который надеялись организовать при поддержке Британского совета. Нехорошо подозреваю, что заявку на грант должен был написать не кто иной, как я. Вот черт, надо бы признаться Малкольму, что меня обуяла тяга к уничтожению паспортов…

Всей толпой едем ужинать в «Макри» – сравнимая с автобусом вместительность «дефендера» позволяет управиться в один рейс. Но на обратном пути, когда уже стемнело, меня предупредили о суицидальных наклонностях местной популяции оленей, в особенности на отрезке от гостиницы до фермы, поэтому я старательно ползу на скорости тридцать миль в час, высматривая умело замаскированные под деревья рога, чьи злонамеренные обладатели затаились в придорожных кустах.

Каждый вечер я отслеживаю ход войны. Началась она без обещанного нам шока и трепета[17 - «Шок и трепет» – американская военная доктрина «окончательного решения» иракского вопроса, то есть свержения Саддама Хусейна. Разработана в 1996 году, воплощена в жизнь в 2003 году. Собственно военная операция против Ирака называлась не «Шок и трепет», а «Иракская свобода».], но, с другой стороны, внезапных химических или биологических контратак тоже нет. И это, безусловно, хорошо. Но чуть-чуть подозрительно. Если у страны есть оружие массового поражения – а нам прилежно и даже почти отчаянно внушали, что у Саддама оно есть, – разве не самое время использовать его сейчас, когда готовится захват основных городов?

Как бы там ни было, захват осуществляется быстро и успешно. Британцы вроде бы взяли Басру. Американцы перешли Евфрат.

Потом все глохнет, и, кажется, воплощается в жизнь другой ужасный сценарий, в котором на пути войск по всем фронтам встает упорное сопротивление, периодически атакующее каналы снабжения. Но потом и эта проблема решена, солдаты идут на Багдад.

Несмотря на несколько панических сообщений, признаков химической или биологической атаки все же нет. Я каждый вечер сижу в каморке над старым амбаром, попиваю виски и не могу поверить в происходящее – у меня в голове не укладывается, что мы развязали войну просто потому, что так пожелали Джордж «Дубья» Буш[18 - Источником прозвища Дубья, или Дабья, стала небрежная техасская манера произнесения начальной буквы второго имени Буша – дабл-ю.] и его дружки из правого крыла, а Тони «Бла-Бла-Блэр», который пойдет на все, что скажет ему Буш, готов, как видно, поставить на карту и существование ООН, и единство ЕС, чтобы американцы могли во второй раз за два года провести смену режима в другой стране[19 - …провести смену режима в другой стране. – Имеется в виду свержение режима талибов в Афганистане.].

Эй, стоп, пару лет назад я тоже не мог поверить в происходящее, когда Буш проиграл выборы и все равно занял президентское кресло[20 - Буш проиграл выборы и все равно занял президентское кресло. – На президентских выборах 2000 года Джордж Буш-младший получил меньше голосов избирателей, чем демократ Альберт Гор. Но поскольку выборы в США не прямые, это не помешало Бушу стать президентом. Кроме того, кампания 2000 года сопровождалась грандиозным скандалом в штате Флорида (где и была решена судьба выборов): противники Буша обвиняли губернатора Флориды, брата Джорджа Буша, в масштабных фальсификациях в пользу республиканского кандидата. Это повлекло за собой многочисленные решения судов о пересчетах голосов в штате, которые давали преимущество то Бушу, то Гору, пока Верховный суд США не принял (большинством в один голос) решение пересчеты прекратить и признать последний результат (в пользу Буша) окончательным.], причем никто особо и не расстроился по этому поводу (по крайней мере, сообщений о том, что кто-то расстроился, из Америки практически не поступало). Ни американская, ни мировая общественность не возмутились тем, что самую могущественную страну в истории захватил косоглазый кретин, которого поддерживает банда брызжущих слюной, злобных, профашистских негодяев.

Если я не штудирую литературу о виски, то перед сном читаю книгу Майкла Мура «Глупые белые люди». Хорошая книга – да, по стилю немного смахивает на таблоид, но очень метко описывает текущую ситуацию. Так метко, что меня хватает всего на несколько страниц, а потом кровь закипает от ярости.

И вот в таких случаях на помощь приходит виски. Неважно, насколько хреново устроен мир, – стаканчик хорошего молта всегда добавит нам толику терпения.

Ваше здоровье.

Наше первое полноценное посещение вискикурни (экскурсия, беседы с персоналом, заход в сувенирный магазин, тщательные записи в блокноте) состоялось в понедельник.

Мы вместе с Джоном съездили в аэропорт и встретили редактора Оливера, прилетевшего на крошечном самолетике, на котором Джон совершит первый этап длинного пути обратно на юг.

Редактор Оливер, то есть Оливер Джонсон – крупный, дружелюбный, спокойный на вид парень. Мы с ним связаны не только тем, что оба литераторы с определенным интересом к виски, но и двумя более важными интересами, которые многое говорят о человеке: это карри и географические карты. Оливер тоже коллекционирует карты. Мы с ним встречались и раньше. В первый раз – когда подписывали договор на книгу. Дело было в здании «Волтс» (The Vaults), штаб-квартире Общества любителей шотландского солодового виски. Там мы, кстати, продегустировали довольно много разных молтов. Потом отправились в бар через дорогу, где я попробовал самый отвратительный виски в своей жизни (какой-то самодельный купаж, который якобы держат специально для постоянных клиентов), а в довершение посидели в «Омаре Хайяме» – моем любимом эдинбургском ресторане.

Вторая наша встреча состоялась через месяц-другой, в середине февраля, когда мы вместе с фотографом и оператором Мартином поехали на дистиллерию «Далуи?нни» (Dalwhinnie), где сняли небольшой проморолик для отдела продаж издательства. Мартин тогда сделал несколько фото, одно из которых выбрали на обложку книги.

«Далуинни» в каком-то смысле стала первой дистиллерией, которую я посетил специально для написания книги. (А до этого бывал ровно на двух: это «Хайленд Парк» на Оркнейских островах и «Ардбег» на Айле.)

И лучшего начала для этого путешествия, чем «Далуинни», не придумаешь. Там нас сориентировали приветливые люди из «Диаджео» (Diageo) – компании, которая владеет заводом («Диаджео» – ранее «Юнайтед Дистиллерс энд Уинтнерс» – владеет еще тридцатью шотландскими вискикурнями, то есть примерно третью от общего количества, что делает ее крупнейшим игроком на рынке). Нас угостили очень вкусным и как нельзя более уместным в тот холодный день супом, а потом повели на познавательную экскурсию по дистиллерии и инфоцентру. К тому же нам разрешили самим все облазить и пофотографировать.

«Далуинни» – это самая высокая вискикурня Шотландии, расположенная на высоте примерно тысячи футов над уровнем моря. Изначально она называлась «Спейсайд», и, по правде говоря, это не так глупо, как кажется, потому что река Спей (Spey) протекает примерно в пяти милях к северу. Просто обычно под Спейсайдом имеют в виду совсем другое место. Должен признаться, я и не подозревал, что Спей уходит так далеко на юго-запад от настоящего Спейсайда.

Все те годы, что я ездил по дороге мимо деревушки Кэтлодж (Catlodge) на север, мне даже в голову не приходило, что река, которая виднеется неподалеку от Лаггана (Laggan), – это славный Спей.

«Далуинни» кажется по-особому величавой, даже изящной. Стоит она за деревней на небольшом холме; крыши в форме пагод возвышаются над деревьями. Когда мы приехали, на парковке намело снегу выше моего роста, но работники делали все, что в их силах, чтобы выставить свой заводик в наилучшем свете. Внутри находятся два больших перегонных куба грушевидной формы, а на улице расположены несколько теплообменников, забирающих прохладный воздух. На компьютере в перегонном зале запущена какая-то точная и яркая программа, показывающая и контролирующая все задвижки, трубы и чаны, через которые в ходе изготовления виски проходит сырье. Эта система сама по себе – не считая компьютерного управления – довольно стандартна. Традиционна, другими словами.

Виски из «Далуинни» довольно известен: он представляет Шотландское нагорье в линейке классических молтов «Диаджео». В пятнадцатилетнем напитке чувствуется свежескошенная трава, очень сочная и ароматная. Небольшой привкус торфа, немного сладости, но главное в «Далуинни» – это суховатые травяные нотки, из-за которых этот легкий пикантный напиток может заменить херес в качестве аперитива или (если, конечно, немного разбавить) белое сухое вино. Он не особо похож на большинство «спейсайдеров», а с детьми Айлы разница вообще космическая.

Прощаемся с Джоном в аэропорту, коротко заскакиваем к Тоби и Харриет, чтобы Оливер мог бросить вещи, а потом Оливер, Энн и я отправляемся на дистиллерию «Бруклади» (Bruichladdich). Мы немного опаздываем, и именно во время этой поездки на одном из коварных крутых поворотов неподалеку от Боумора я узнаю, что «Лендровер» умеет визжать шинами. Мои пассажиры не стали передразнивать эти звуки – то ли от шока, то ли от страха. После этого мы едем осмотрительнее и спокойно добираемся до «Бруклади», откуда открывается вид на Лох-Индаал и далекий Боумор.

«Бруклади» только прокладывает себе путь к величию. Вискикурня не работала с 1996 по 2001 год, да и вообще всегда находилась во втором эшелоне Айлы.

Большинство ценителей распознают в «Бруклади» продукт Айлы, даже если не уверены, как произносить название (судьба сыграла какую-то злую шутку, когда распорядилась, чтобы «Бруклади» и «Буннахавен» – два названия, о которые можно язык сломать и которые, кстати, начинаются с одной буквы, – оказались на одном острове). Обычный любитель виски может, сильно напрягшись, вспомнить голубую этикетку на бутылке и не свойственный Айле слабый отголосок торфа; ну а поведать больше способны только преданные поклонники этого молта.

Но скоро все может измениться. Теперь вискикурней управляет молодой человек по имени Данкан Макгиллврей, по общему мнению, сильный маркетолог. На подходе новые – судя по всему, очень интересные – букеты; современные технологии прекрасно гармонируют со старыми традициями, и вообще персонал настроен оптимистично и боевито. Может быть, такое впечатление сложилось потому, что мы там оказались в безоблачную, солнечную погоду, хотя мне кажется, что все дело в солнечном настрое работников. К тому же все собеседники – и нам, потребителям, тоже, видимо, следует обратить на это внимание – отмечали важность того, что дистиллерия не попала в лапы гигантской обезличенной корпорации, а управляется группой жителей острова, так что заработанные деньги, хочется верить, большей частью останутся в этих краях.

Я достаю свою маленькую записную книжку и готовлюсь фиксировать происходящее.

Заметки: заметка

Заметки и пометки – это не мое. Обычно я просто запоминаю все, что мне нужно, изредка могу что-то черкнуть в ежедневнике, если он под рукой, ну, или в записной книжке. Давным-давно я носил в бумажнике самодельный крошечный блокнотик. Размером он, наверное, был меньше некоторых марок (я могу писать очень мелко), но мне тогда было лет двадцать, и я постоянно фонтанировал разными идеями. Сейчас меня, по общепринятым меркам, можно считать старым (под полтинник) занудой, идей стало меньше, так что постоянно держать под рукой блокнот необязательно (впрочем, поверьте: количество не предполагает качества – большинство тогдашних так называемых идей были просто дешевыми

каламбурами).

Вещь, которая мне действительно нужна, это наладонник – крошечный карманный компьютер для пометок, зарисовок, дневниковых записей; его можно использовать и как навигатор, и еще бог знает как.

У меня такой есть, просто он лежит без дела. Я собирался использовать КПК Palm Tungsten T, чтобы написать книгу о том, как мы с Роджером и Брэдом ехали по Транссибирской магистрали через таежные леса во Владивосток. Сначала подумывал взять в дорогу ноутбук, но узнал, что в поездках частенько тырят вещи, и предпочел гаджет, который можно всюду носить с собой.

Пару лет назад в одном из эдинбургских пабов я видел, как мой коллега по цеху фантастов Чарльз Стросс использует полноценную складную клавиатуру, которую можно воткнуть в КПК; с тех пор я мечтал о такой же. И почти купил, из чисто эстетических побуждений, из желания просто владеть такой штукой, она же чертовски изящна, хотя в тот момент я даже не собирался приобретать мини-компьютер. Клавиатура складывается до размера чуть большего, чем сам наладонник, а потом плавно раскладывается, и из нее выскакивает такая подставочка, на которую можно опустить компьютер. Красота. А сейчас наряду с этими складными продаются клавиатуры из гибкого пластика – их вообще можно свернуть в трубку. И хотя гибкая клавиатура легче и лучше, меня больше привлекают раскладные: своим почти ювелирным изяществом.

В общем, у меня есть КПК, но я его с собой не ношу. Мне свойственна дурная привычка: я впадаю в потребительский раж, покупаю сверкающие новые девайсы, потом теряю к ним интерес на несколько месяцев или даже лет, а за это время устройство, как правило, безнадежно устаревает.

В итоге Роджер, взяв у меня взаймы наладонник и клавиатуру, отправился во Владивосток в одиночку (Брэду тоже пришлось отказаться).

Экскурсию по «Бруклади» для нас проводит Дэвид Барр, глава отдела бутилирования, приветливый парень со сплошь татуированными руками – напоминание о службе на торговом флоте. «Бруклади» гордится своим цехом бутилирования. На всем острове он есть только здесь (другие заводы отправляют молты на «большую землю», где их и разливают по бутылкам); в нем

используется местная вода для доведения виски до нужной крепости. Но сначала нас, конечно, провели по стандартному маршруту – бродильный чан, ферментационный чан, перегонные кубы, – добавляя разные исторические подробности.

Я, конечно, не стану в деталях описывать каждую экскурсию по каждой вискикурне – это было бы занудством. Наверное, нет никакой необходимости сообщать, что, например, «Бруклади» производит триста тысяч бутылок в год или что температура второй из трех пускаемых в бродильный чан вод должна быть от семидесяти девяти до восьмидесяти градусов Цельсия, или что местного пса зовут Малыш, – хотя я старательно подметил все это и даже больше.

В общих чертах я уже описал процесс изготовления виски, и на всех дистиллериях все примерно так и происходит. Если где-то замечу отклонения, которые сочту важными, тут же дам знать, а остальное додумывайте сами. Во время путешествия я выискиваю всякие интересности, которые непременно встречаются, особенно если задавать вопросы, внимательно слушать и постоянно быть начеку; это как форшлаги в давно знакомой мелодии.

А интересным видится мне, к примеру, то, что в связи с открытием на «Бруклади» нового цеха бутилирования дирекция собирается учредить Академию виски, под которую отведено бывшее складское помещение. Людям будут прививать глубокое понимание этого продукта. Другая интересная, на мой взгляд, подробность: каждый год в одно и то же время в бухте, что через дорогу от дистиллерии, появляется семейство из семи дельфинов. Вот еще: в этой вискикурне самые высокие кубы на острове (чем выше куб, тем труднее образующимся внутри парам подняться до вытяжки, так что в высоких кубах производятся более легкие спирты). Или: компьютером там называется обычная школьная доска… зато по всему заводу установлены веб-камеры, так что за производственным процессом можно наблюдать в режиме реального времени из любой точки планеты.

Оказывается (об этом я узнал в начале июня, когда читал «Гардиан»), широкополосное соединение, на котором в «Бруклади» работают все веб-камеры, им подключили из-за ошибки «Бритиш Телеком». Сотрудники БТ сообразили, что дистиллерия находится не там, где они думали, только после того, как контракт был подписан и вступил в законную силу. Так что исходящий сигнал приходится направлять с Айлы в Северную Ирландию (правда, это всего где-то миль двадцать), оттуда – в Эдинбург, и уже после этого он теряется во

Всемирной паутине.

Именно эта комбинация традиций и нововведений постоянно будет встречаться в ближайшие несколько месяцев на (примерно) сотне вискикурен. Старые технологии сосуществуют с новыми и в итоге помогают создать и продвинуть напиток, который тоже менялся и развивался на протяжении столетий – иногда это сопровождалось определенными социальными катаклизмами, а иногда нет.

Эволюция в производстве, продвижении и оценке напитка, да и во вкусе конечного продукта делает виски очень интересным объектом изучения. В «Бруклади» на первых этапах производства нам предложили попробовать очень «торфяной» солод, который планируется использовать для нового букета. Меня это удивило, потому что «Лади», как его иногда называют, совсем не торфяной, особенно в сравнении с «южанами», от которых торфом буквально бьет в ноздри.

Торфянистость виски определяется с помощью вычисления содержания ароматического фенола и измеряется в частицах на миллион (ч/м). Современные производители солода способны создавать ровно такой продукт, какой требует заказчик. В «Буннахавене» меньше всего торфа – пять ч/м, а в «Ардбеге» – больше всего, 50. Между ними – «Боумор» с 20, «Порт-Эллен» с 25, «Кал Илэ» с 30, «Лафройг», где число варьирует от 35 до 40, и «Лагавулин», у которого 40. «Бруклади» обычно идет вторым в перечне виски с наименьшим содержанием торфа – всего восемь частиц фенола на миллион, но вот солод, который нам дали пожевать, просто заряжен: торфа в нем в десять раз больше, чем тут принято, то есть все 80 ч/м. Этот монстр еще не скоро попадет в бары и на полки магазинов, но если предположить, что торф не задавит морскую свежесть, которой славится «Бруклади», а, наоборот, ее дополнит, результат должен быть великолепным, и его стоит ждать.

Пока мы ходим по дистиллерии, несколько ребят с экскаватором разрывают большой участок во внутреннем дворе, разбирают старый фундамент и готовят место для нового, что открывает взгляду старинный обложенный кирпичом дренаж и кусочек побитой временем стены. И когда мы собрались ехать на юг острова, где нас ждет обед с Тоби и вискикурня «Ардбег», работы так и не закончились.

Если завод «Бруклади», на мой взгляд, еще находится на этапе становления, то «Ардбег» уже его прошел и блещет всем тем, к чему «Лади» пока только

стремится. Тут производят намного больше виски (последний раз бросаюсь цифрами, честно) – 35 тысяч бутылок в неделю, что примерно в шесть раз больше, чем выпускает «Бруклади». Это результат масштабных преобразований, как физических, так и, что более важно, маркетинговых. В восьмидесятые годы дистиллерия пережила спад, но теперь, когда она перешла к компании «Гленморанжи» (Glenmorangie), бренд «Ардбег» стал (снова) достойным упоминания в одном ряду с «Лафройгом» и «Лагавулином». Тридцать пять процентов бюджета уходит на рекламу, тогда как большинство компаний тратит на нее примерно шестнадцать – и это играет главную роль. Кажется, будто теперь это безликая часть корпорации, но когда находишься непосредственно там, чувствуешь, что заводик с любовью вернули на прежние высоты и теперь готовят к новому прорыву.

В инфоцентре работает великолепный ресторанчик, там мы встречаемся с Тоби, извиняемся за опоздание и налегаем на отличную еду. В ходе обеда я определенно чувствую, как ремень начинает жать. Тоби объясняет, что огромная часть продукции Айлы почти-но-не-совсем органическая, потому что у фермеров есть соглашение с Королевским обществом защиты птиц и природоохранными организациями, согласно которому они разрешают мигрирующим гусям отдыхать на их полях. Получается, у них нет другого выхода, кроме как активно удобрять, растить и собирать урожай до прилета гусей, иначе те склюют все подчистую.

После сытного обеда встречаемся со Стюартом Томсоном, менеджером дистиллерии. Я мельком видел его еще два дня назад, когда мы с Мартином бродили по окрестностям и фотографировали, а Стюарт учил одного из своих детей кататься на велосипеде (многие менеджеры дистиллерий живут прямо на работе). За обедом Стюарт развлекал группу французов, откомандированных разными гастрономическими журналами для изучения всего, что может предложить им Айла.

Экскурсия заканчивается на складе, где мы пробуем поразительно хорошие виски. Сперва двенадцати– или тринадцатилетний, приблизительно шестьдесят два градуса; выдержан в бочке из-под бурбона; вкус очень фенольный, немного отдает карболкой, но в целом пикантный, а еще – после того как на это обратили мое внимание – да, в нем чувствуются нотки крем-соды, которая в юности была моим любимым напитком. Несомненно, чудесный виски и то, что дегустация проходит в прохладном благоухающем парами скотча полумраке склада, куда все же пробивается весеннее солнышко, которое отражается от белых стен и

придает сверкание золотистой жидкости в стаканах, только улучшает впечатление. Мы с Оливером обмениваемся превосходными степенями прилагательных, но мне кажется, что Стюарт совершил ошибку: после такого виски я не смогу по достоинству оценить следующие просто потому, что это один из лучших молтов в моей жизни.

Впрочем, ошибку совершил я, а Стюарт прекрасно знает, что делает.

Вторым идет двадцативосьмилетний виски, около сорока шести градусов, выдержанный в бочке из-под хереса «фино» (обычно виски разливают в бочки из-под «олоросо»). И это просто фантастический напиток. Его букет (который раскрывается в течение нескольких минут: новые оттенки проявляются на протяжении всего пути от изумленного «носования» до играющего в горле приятного послевкусия) – это лучшее, что я испытал. Много торфа, дыма и соли, но это только начало; потом появляется привкус кремового десерта, мощный, но решительно сладкий; он бы подпортил менее мужественный вкус, но тут вливается в общую палитру фенольного дыма и чего-то, похожего на мускусный парфюм. А картина меняется, как невероятно сложное уравнение из привкусов, которое нужно решить во рту, картина водоворотом мечется от горящего дерева к морской волне, оттуда к хересу, а потом обратно; в какой-то момент чувствуется вкус поджаренной лакрицы, который в момент превращается в какие-то медовые фрукты (правда, все это время во мне доминировало одно впечатление: «Ух ты!»).

Смотрю на пустой стакан, потом на редактора Оливера.

– Это лучший виски, какой мне только доводилось пробовать, – говорю я ему.

– То есть мы нашли идеал. – Оливер явно встревожен. – Книга может получиться очень короткой.

Улыбаюсь Стюарту, киваю в сторону бочки:

– А можно как-нибудь купить?..

Но Стюарт не дает мне договорить и качает головой.

– Боюсь, все уже раскуплено.

Я грустно киваю и говорю Оливеру:

– Думаю, поиски прекращать нельзя.

– Читатели оценят все усилия и жертвы, на которые вы готовы пойти ради них.

Поначалу мне почудилась нотка иронии, но нет – показалось.

4. На Джуру

Джура. Неизведанный остров. Всегда хотел там побывать – и ни разу не сподобился. Остров Джура, лежащий по диагонали между Айлой и Аргайлом, населен весьма мало – ну, по крайней мере, людьми, там проживает всего около двухсот особей. Зато на Джуре несметное количество благородных оленей, которые, как я понял, не развили той же страсти к нападению на ни в чем не повинные «Лендроверы», что и их бесноватые сородичи с Айлы – наверное, из-за недостатка возможностей и практики. Остров Джура покрыт крутыми горными склонами, изрезан по краям и вообще создает такое впечатление, будто атлантические штормы разорвали его на две части. (Кстати, выстраивая географический и исторический контекст романа «Воронья дорога», я действительно разорвал его пополам. Я захотел разместить вымышленный городок Галланах неподалеку от Кринана, на «большой земле». Мне требовалось место с глубоководным портом и выходом в Атлантику, а поскольку «выбрасывать» Корриврекен было жалко, я уверенно разрезал Джуру пополам. Писателям это не запрещается.)

До Джуры совсем недалеко на пароме из Порт-Аскейга (Port Askaig), что на восточном побережье Айлы, неподалеку от дистиллерии «Кул Айла», так что – погода стояла отличная, да и как-никак материал для книги про виски надо собирать – пройти мимо было невозможно. Идеальная поездка включала бы в себя посещение вискикурни, осмотр дома, где Джордж Оруэлл написал «1984», и прогулку на север острова, откуда видно гонку волн между островами Джура и Скарба – огромный, ревущий водоворот Корриврекен, в котором Оруэлл

однажды чуть не утонул. Нам удалось выполнить только первые две задачи, а до Корриврекена мы так и не добрались, потому что опаздывали на последний паром.

Мы посетили завод «Кул Айла» – менее удаленный, но еще опаснее нависающий над водой сосед «Буннахавена». Если встать между большим современным перегонным цехом и морем, куда ни глянь, открывается великолепная картина: с одной стороны – Джура со своими высокими скалистыми хребтами, прячущимися в поднимающемся с воды тумане, с другой – медное великолепие четырех огромных кубов, блестящих за окном и отражающих свет удивительно теплой весны. Нам пришлось чуть ли не силком выводить завороженную этим видом Энн из инфоцентра.

Опять-таки этот виски мог бы стать звездой при грамотном применении маркетинговых рычагов и если бы у молодых сортов вкус был поплотнее. Виски отдает маслом, морем (при такой близости к воде это совсем неудивительно), он приятный, живой. «Кул Айла», наверное, самый малоизвестный, наименее прославленный продукт Айлы, но хороший экземпляр (то есть хорошая экспрессия) поборется почти с кем угодно. Вероятно, ярко выраженная теплота вкуса препятствует его славе в качестве молта, зато он отлично вписывается в купажи (через пару месяцев Джеки, одна из экскурсоводов на побратиме «Кул Айла», заводике «Блэр Атолл», заверит меня, что особенно хорош он с сигарой. Вот так-то).

Вискикурня «Айл оф Джура» (Isle of Jura) в Крейхаусе (Craighouse) – это гостеприимное место, как и большинство маленьких или периферийных заводиков. Тем не менее поездку по Джуре я начинаю с предубеждением, которое в меня вселила бутылка виски с этого острова, некогда купленная по пути домой из Франции, – тогда я приехал на грузовом пароме после нескольких месяцев путешествия автостопом по Европе. Дело было в начале семидесятых. Тот скотч оказался весьма средним. Сносный, но хуже многих блендов, а для односолодового виски – это страшное оскорбление.

К счастью, той же осталась только приталенная бутылка, а вот сам напиток теперь торфяной, отдает солью, но при этом мягкий. Новый букет Superstition («Суеверие»), бутылку которого мы купили, вдобавок имеет привкус дыма.

* * *

Точное определение «порции виски», предложенное Уилли

Уилли, один из работников дистиллерии, дал, по нашему с Оливером мнению, лучшее определение выражению «порция виски»: «Объем напитка, который хозяин с радостью нальет, а гость с радостью выпьет».

Лучшее воспоминание о вискикурне на Джуре? Там есть приделанный к веревке деревянный шар, которым можно запустить в один из перегонных кубов – как в сходящий со стапеля корабль запускают бутылкой шампанского, только, конечно, с меньшей степенью разрушений. Этот шар остался как память о прошлогоднем Фестивале виски, который проводится на Айле (а теперь докатился и до Джуры): тогда организаторы решили показать людям, как в старину определяли интенсивность кипения жидкости в кубах. Сейчас в кубах сделаны небольшие вертикальные окошки, и можно просто посмотреть, кипит ли содержимое как следует, или недостаточно сильно (тогда требуется прибавить жару), или же грозит выкипеть и испортить теплообменник (тогда огонь надо убавить); но в старину, когда еще не было всякой высокотехнологичной дребедени, в медную стенку просто запускали деревянным шаром и по гулкости звука определяли, что внутри: вялое пузырение, идеальное бульканье или же опасное бурление, из-за которого все может к чертям взорваться.

Существует предположение, что из-за такой долбежки по кубу деревянным шаром стенки покрывались вмятинами, становясь похожими на медный мячик для гольфа, и это даже как-то влияло на характер получавшегося в итоге виски. Хм-м, только и скажу я по этому поводу. (В дистиллериях соблюдают множество бесполезных и, наверное, дурацких консервативных ритуалов; некоторые вискикурни требуют, чтобы котельщики, меняющие старые кубы – из-за постоянного нагревания и кипения кубы протягивают лет пятнадцать, несмотря на то что их постоянно ремонтируют и латают, – изготавливали точную копию, вплоть до случайных вмятинок, даже вплоть до заплаток… Но постойте, а каким же был вкус виски до появления заплаток? Или эффект от всех заплаток суммируется? Или каждая из них влияет на вкус по отдельности? Будут ли последующие копии этих кубов сплошь покрыты унаследованными от многих поколений заплатками, так что станут похожими на лоскутное одеяло, только из

меди?)

Кто знает, да и какая разница? После интересной экскурсии по этой превосходной дистиллерии, расположенной через дорогу от гостиницы, мы пополняем запасы провизии в местном магазинчике и отправляемся осматривать старый дом Оруэлла.

После непродолжительных переговоров – последние несколько миль дороги преграждает шлагбаум, и разрешение двигаться дальше получают далеко не все – мы едем по каменистой дороге до Барнхилла, где Джордж Оруэлл написал «1984». Эта пытка автомобиля растягивается на пять миль пустынной дороги, рядом с которой нет ни единого домика, но заканчивается в приятной горной долине, где растет вереск и только-только начал распускаться утесник, темно-желтые цветки которого пока еще не выдохнули масляно-кокосовый аромат раннего лета. Старый побеленный дом похож на угловатую подковку, если учитывать стоящие по сторонам коровник и хлев. (Дорога идет на север вверх по склону, где стоит всего один дом – последний аванпост человечества перед Корриврекеном.)

Нас встретили крики пары недоверчивых гусей, как видно, потомков стаи, жившей там во времена Оруэлла, а также заброшенные, поросшие камышом и бурьяном остатки располагавшихся на покатом холме сада и лужайки, все еще голые деревья на скалах и блестящий изгиб бухты. Вдалеке лежит скалистый берег Аргайла, но туман такой густой, что это скорее намек, а не четкая картинка.

Джордж Оруэлл, урожденный Эрик Блэр, приехал сюда писать, а не умирать. До того, как я прочитал недавно вышедшую биографию Оруэлла, написанную Д. Тэйлором, у меня было впечатление, что он приполз в этот дом, как раненый зверь, чтобы в одиночестве испустить последний вдох; но дело обстояло иначе, да и сам Оруэлл был не так одинок, как я думал. Он знал о своей болезни, хотя и отказывался признавать, что, по всей видимости, страдает туберкулезом, но диагноз ему поставили только после того, как он приехал на Джуру, предварительно посетив Барнхилл и вернувшись в Лондон.

Тогда туберкулез считался позорной болезнью; люди знали, что это инфекция, и я думал, что Оруэлл сознательно обрек себя на одиночество, относительно полное даже в те времена, когда жителей на Джуре насчитывалось побольше, а дороги были получше (…очевидно. Как он мог ездить на мотоцикле по такому

покрытию? Ведь легкие у него уже отказывали, горлом постоянно шла кровь). Воздух тут чище, чем в любом городе – хотя, если вспомнить, что Оруэлл курил не переставая, ситуацию это почти не меняло, – риск заразить кого-нибудь засевшей в легких болезнью был минимален, и к тому же здесь можно было спокойно писать.

Тем не менее он приехал с семьей, участвовал в общественной жизни и сезонных сельскохозяйственных работах, постоянно принимал гостей. Допустим, посетителей было не так много, как можно было надеяться, хотя бы из-за того, что на Джуру вообще сложно добраться, а в эту часть острова – особенно, но тем не менее в его жизни не было той обреченности, которое я себе представлял. Правда, предчувствие смерти – и желание цепляться за жизнь – все же повлияло на выбор места; даже в те послевоенные дни, когда ядерная угроза была не столь серьезна, Оруэлл рассматривал вероятность атомного холокоста и видел в Джуре место, где шансы на выживание в случае падения бомбы будут выше, чем в большей части Британии.

Последние два года жизни Оруэлл почти целиком провел в больнице и умер в Лондоне.

Глядя в окно, задаюсь вопросом, переставлял ли Оруэлл стул и письменный стол так, чтобы за работой не видеть этот притягательный, постоянно меняющийся пейзаж. Думаю, нет; он представляется мне таким писателем, таким человеком, который сохранил бы перед собой пейзаж, не позволяя себе на него отвлекаться. Да и вообще, судя по всему, к этому моменту он был уже так болен, что писал преимущественно в кровати.

С Джуры возвращаемся на Айлу и проводим вечер за рассказами, смехом и слезами. Слезы – мои: Белинда приготовила чудесную лазанью, а Тоби принес большой мешок зеленого чили, чтобы ее перчить, причем оставил мешок в пределах досягаемости, так что мы, прежде чем наброситься на еду, разрывали эти маленькие злые перцы и посыпали ими лазанью (точнее, это делал только я: всем остальным хватило ума оставить лазанью, какой она была). Перцы оказались страшно острыми, а я накрошил их так много, что, клянусь, у меня позеленели пальцы. В результате получилось потрясающе вкусное блюдо, но потом наступил момент, когда я рассмеялся до слез и вытер глаза перчеными пальцами – это стало роковой ошибкой.

Эффект был такой мощи, что у моих глазных яблок развилось чувство вкуса: я ощутил вкус этого зеленого цвета. Брызнули слезы, из носа потекло, я вымыл руки, утирался салфеткой и подумывал о том, чтобы промыть глаза йогуртом (капсаицин – вещество, дающее перцу остроту, растворяется в жирах, но не в воде, так что это в принципе могло бы сработать… Те, кто читал «Пособника»[21 - «Пособник» – роман, опубликованный в 1993 году. Русское издание: Бэнкс И. Пособник / Пер. С. Буренина и Г. Крылова. М.-СПб., 2009.], уже в курсе), но в итоге решил доесть ужин, хотя из-за слез почти ничего не видел, и ждать, пока симптомы уйдут сами собой, что и произошло уже через четверть часа.

Кажется, сейчас, когда все уже поняли, каким дураком я могу быть, настало время для рассказа «Вечеринка у Тоби» / «Сцена на балконе».

Рассказ «Вечеринка у Тоби» / «Сцена на балконе»

Конец августа 1987 года. Брайтон, южное побережье Англии. Всемирный конвент любителей научной фантастики. Называется «Заговор». Название казалось очень удачным, пока двум почетным гостям, братьям Аркадию и Борису Стругацким, не пришло время оформлять документы для выезда из Советского Союза для участия в конвенте, беззаботно-глуповатое название которого не оценили лишенные чувства юмора премодернисты из КГБ (или где там в те времена выдавали визы). В итоге Стругацких никуда не пустили. Другим почетным гостем позвали Дорис Лессинг[22 - Лессинг Дорис (1919–2013) – знаменитая английская писательница, писала в том числе фантастическую прозу. Лауреат Нобелевской премии по литературе 2007 года.], которая мужественно подменяла невыездных Стругацких на некоторых мероприятиях, где было запланировано участие. Альфред Бестер[23 - Бестер Альфред (1913–1987) – американский писатель-фантаст, лауреат литературных премий «Хьюго» и «Небьюла», автор романов «Человек без лица», «Тигр! Тигр!» и других произведений.] тоже не смог приехать, от чего создалось впечатление, будто над конвентом нависло какое-то проклятие (у Бестера, который написал минимум один из величайших научно-фантастических романов, вообще было железное оправдание: незадолго до событий он умер. Отписав все имущество своему бармену. Вот это класс).

Но конвент тем не менее удался и привлек тысячи поклонников научной фантастики со всего мира. Они наслаждались солнечными деньками, правда, главным образом в барах и на мероприятиях в комнатах без окон, но все равно наслаждались. Я участвовал в подобном форуме, наверное, во второй или третий раз, поэтому мне все нравилось. Тоби был моим редактором и отвечал за привлекающую толпы народу сатрапию под названием «Футура», входившую в обширные владения Императора Боба Максвелла.

У себя в номере, роскошной анфиладе на четвертом этаже отеля «Метрополь» с видом на пляж и море, Тоби закатил вечеринку. Правда, сам он это вечеринкой не называл. Он говорил «соберется небольшая компания, немного выпьем, приходи, дружище дорогуша». Часов этак через шесть небольшая компания уже исчислялась трехзначным числом, а бар в гостиной пришлось заново наполнить в третий или четвертый раз, прием это был настоящий бар, а не мини-бар. Каждый раз портье толкал перед собой небольшую тележку, полную бутылок. Тоби даже почти признал, что это все же вечеринка, но потом – несмотря на то, что туда проникли халявщики, которых он не знал, – снова стал утверждать, что это скромные дружеские посиделки. Пожалуй, это была одна из лучших вечеринок в моей жизни.

Светало. Почти все разошлись. Осталось человек десять, в том числе я и Родж Пейтон с Дейвом Холмсом из «Андромедии» – крупнейшего магазина научно-фантастической литературы в Бирмингеме. Стоим мы втроем на балконе спальни Тоби, треплемся о том о сем, и тут мне на глаза попадается другой балкон, а именно балкон гостиной. Точнее, я замечаю, насколько ничтожно расстояние между ними.

– Дейв, будь другом, подержи, пожалуйста.

И отдаю Дейву Холмсу стакан.

Так вот. Всегда, особенно когда жил в Лондоне, я увлеченно занимался совсем не олимпийском видом спорта под названием «пьяный паркур». Какое-то время даже мнил себя его изобретателем, но, думаю, я все же не первый, кто познал его безрассудные и опасные таинства, главнейшее из которых, конечно, состоит в том, как человек может надраться до уровня, когда он еще жив и в сознании, но уже считает такой спорт интересным делом. Я напивался и покорял вершины, городские вершины типа зданий. Ну, хотя бы некоторых зданий – не буду врать, что я забирался на Сентр-Пойнт[24 - «Сентр-Пойнт» – офисное здание в центре

Лондона, один из первых небоскребов британской столицы.] или на здание парламента.

Возвращаюсь к детству: в нежном возрасте я постоянно лазил по деревьям и скалам, причем забирался немного дальше и выше своих приятелей. Не в результате наличия у меня спортивного духа, а скорее вследствие того, что чувство «страшно, мать твою» проявилось у меня немного позже, чем у других. Относительно высокий и тощий, я убедил себя, что, раз моя мама профессионально занималась фигурным катанием, значит, я унаследовал идеальное чувство равновесия, которое дает мне преимущество.

Но все равно, лучше бы паркур – хоть в пьяном, хоть в трезвом виде – обошел меня стороной, из-за него я в детстве чуть не погиб. Тот случай должен был нанести мне глубочайшую травму и внушить сильнейшую боязнь высоты.

Норт-Куинсферри стоит на остроконечном мысу, торчащем из южного побережья Файфа, а позади нашей деревни располагается/располагаются холм/холмы Ферри (все зависит от того, какой картой пользоваться). Когда в 1890-м тут строили железную дорогу, чтобы связать основную магистраль с мостом Форт-бридж, инженеры решили рубить проход прямо в возвышенности, но скала оказалась слишком рыхлой. Мягкий песчаник с вкраплениями булыжников из песчаника чуть покрепче постоянно осыпался. Строители углубились футов на шестьдесят, но после энного обрушения сдались и проложили тоннель под холмом ровно в том же направлении, а борозда так и уходит в толщу холма/холмов жутковатым, вздутым каменистым каньоном в четверть мили длиной.

Как-то раз, когда мне было лет семь или восемь, мы с приятелями лазили по западному краю этого огромного раскопа. Я добрался почти до верха, схватился за большой выступавший булыжник и начал подтягиваться. Булыжник вывалился, как гнилой зуб, и мы с ним вместе начали падать на дно каньона, а это около пятидесяти футов.

Я отпустил булыжник, и он рухнул вниз, а сам я, пролетев всего несколько футов, приземлился на колючий куст, росший на узком выступе. Конечно, я сильно расцарапался и, может быть, даже немного поскулил. Мои друзья встали цепью и вытащили меня наверх, а к тому времени, как я доплелся до дома, дрожь в коленках почти прекратилась (естественно, будучи заботливым парнишкой, я не хотел никого расстраивать и отложил рассказ этой истории

родителям лет на пятнадцать). Надо признать, любой разумный ребенок извлек бы из этого происшествия урок. Но это, очевидно, не про меня.

Когда я съехал с квартиры своего друга Дейва Маккартни на лондонской Белсайз-роуд, где кантовался несколько месяцев, и нашел себе жилье – сначала на Ислингтон-Парк-стрит, а потом на Грэм-роуд, где поселился вместе с Энн, – мой любимый скалолазательный маршрут пролегал параллельно участку канала Гранд-Юнион, к востоку от Эйнджела. Так идти домой было интереснее, а к тому же если внезапно требовалось отлить, сами понимаете…

Если не ошибаюсь, увлечение пьяным паркуром началось в ту пору, когда под одним из мостов велся ремонт и пешеходную дорожку вдоль воды отсекли дощатой загородкой. Я разозлился, что мне преградили путь, а потом подпрыгнул, завис прямо над каналом и, перебирая руками, преодолел запретный участок. Еще был случай: я перелез через фабричный забор и вскарабкался на незнакомое индустриальное строение метров шести-семи в высоту, которое смахивало на нефтеперегонный цех, а пахло как кожевенный завод; на крыше стояли какие-то баки, в один из которых я случайно угодил ногой в поисках лучшей точки обзора. Ботинок развалился в течение следующей недели, носок пришел в полную негодность, а ноге хоть бы что.

Я, наверное, сглупил, когда рассказал Энн об этом эксцентричном, но относительно безобидном увлечении. Она начала убеждать меня с упертостью, которой я в ней раньше не замечал, что пьяный паркур – это, по сути, невероятный идиотизм. Конечно, в трезвом виде я и сам это понимал. Так или иначе, я пообещал: больше никакого скалолазания.

С гордостью сообщаю, что держал клятву до момента, пока, стоя на балконе с видом на галечный пляж Брайтона в тот час, когда светлеет горизонт, а ясная летняя ночь превращается в утро, не заметил лазейку.

Пока Дейв Холмс держал мой стакан, я перелез через решетку балкона, протянул руку, схватился за ограду соседнего балкона и перешагнул с одного на другой. Перешагнул, понимаете? Это было движение в строго горизонтальной плоскости. Не связанное с подъемом. А значит, по определению это не скалолазание! Слово не нарушено – урря!

Дейв все еще искал, куда бы поставить два стакана, Родж Пейтон сначала смотрел с открытым ртом и не мог поверить в происходящее, а потом попытался меня схватить, но к тому моменту я уже держался за перила другого балкона и заглядывал в гостиную, где Джон Джарролд, сидя на диване, общался с юной незнакомкой. Диван градусов на сорок пять был развернут в сторону открытой балконной двери, и тут меня понесло. Я сказал:

– Приветствую, мистер Джарролд, – и помахал ему рукой.

Обратив на себя внимание Джона, я сменил позу и помахал другой рукой, затем повторил это действие и каждый раз на секунду оказывался в положении, когда не держался, а поскольку на краю каменного балкона сохранять равновесие затруднительно, я начинал падать. Но вовремя хватался за перила и махал. Машу, меняю руку (начинаю падать), хватаюсь, машу; машу, меняю руку (начинаю падать), хватаюсь, машу; я повторил это несколько раз, прежде чем Джон, не отрывая от меня взгляда, понял, чем ужаснуло его это зрелище (Родж и Дейв Х. тем временем отчаялись меня дозваться и уже пробирались из спальни в гостиную). Когда Джон осознал, что между ним и мной находится решетка балкона, он рванул ко мне. До меня уже дошло, что веселье закончилось, так что я взялся за перила двумя руками и сам начал забрасывать ногу, но все равно он затащил меня внутрь.

Это, конечно, забавно, но я все же извинился перед всеми, кто за меня переживал. И на этом все могло бы закончиться, но по какой-то странной случайности в момент, когда я перешагивал с балкона на балкон, в соседнем номере, отведенном для дирекции конвента, орудовал грабитель. Он кое-что стырил, его кто-то видел (к счастью, этот бритый козел был совсем не похож на меня, иначе ситуация приобрела бы новый оборот), затем вызвали полицию, и я решил, что лучше подождать и рассказать копу, на вид совсем мальчишке, что в момент ограбления я лазал по фасаду здания. Свидетели поручились, что я не карабкался на другие балконы с огромным мешком и не имею полосатого джемпера и маски, на этом все закончилось.

Я отправился спать и залез под одеяло к Энн, стараясь ее не потревожить. Утром еще будет масса времени, подумал я, чтобы она узнала все подробности моих подвигов, закатила глаза и добавила в наш договор о нелазании подпункт насчет перешагиваний, во время которых возникает, как сказали бы, если не ошибаюсь, скалолазы, «ощущение пропасти».

Встал я примерно в полдень (Энн спала дальше), спустился в бар, чтобы вместо завтрака выпить «Кровавую Мэри», как водится в таких случаях, и первый человек, которого я встретил у стойки, удивленно посмотрев на меня, сказал:

– О! Тебя выпустили под залог?

У кого-нибудь более впечатлительного коктейль, наверное, тут же хлынул бы обратно. Но я не расстался с целительным завтраком, быстро заглотил «Мэри», а потом спросил:

– Чего?!

В ближайшие полчаса я узнал, насколько стремительно мутируют и множатся слухи. С момента мерзкого эпизода на балконе прошло всего шесть-семь часов, но весь конвент уже знал, что: а) я всемирно известный вор; б) меня видела куча свидетелей, готовых поклясться, что я в костюме Человека-паука забрался по фасаду отеля с первого этажа на четвертый, или в) меня совершенно точно видели – несколько человек безукоризненной репутации – одетым в черную форму спецслужб, спускающимся с крыши на балкон ограбленного номера.

Все бы ничего, но многие американцы в тот день уезжали домой и увозили с собой эти лживые измышления. А потом Майк Харрисон[25 - Майкл Джон Харрисон (р. 1945) – британский писатель, автор цикла романов «Вирикониум». Лауреат литературных премий по фантастике (премия имени Артура Кларка 2007 года и премия имени Филипа Дика 2008 года). Харрисон профессионально занимается альпинизмом и скалолазанием и пишет о них. Фантастические произведения подписывает как М. Джон Харрисон, книги по альпинизму – как Майк Харрисон.] – храбрец, писатель, скалолаз – возле того же бара преподал мне урок на низком парапете (украшенном поверху резным растительным оргаментом). Я спрыгнул с высоты около двух футов, неловко приземлился, повредил стопу и хромал до конца конвента. Два фута! И это после игр со смертью на четвертом этаже! Ну что это такое!

Позорище.

Возвращаемся домой с Айлы, самое время подвести промежуточные итоги. Мне пришло в голову, что страну или любую другую сложно организованную

местность можно познавать разными путями. Я считаю, что неплохо ориентируюсь в шотландских ландшафтах: объехал почти всю страну на машине, летал над ней на самолете, некоторые участки преодолел пешком, заходил с разных сторон, когда плыл морем и возвращался в ту же точку, останавливался во всех больших и многих маленьких городах, покорил несколько горных вершин, сплавился по парочке рек, причем несколько раз на байдарке. Скромно скажу, что более или менее сведущ в ее истории, хотя мог бы и, наверное, должен бы знать намного больше. Думается, я четко понимаю разницу между разными шотландскими регионами, различными менталитетами и акцентами, которые меняются от одной местности к другой. Я разговаривал и со шпаной, и со знатью, причем и те и другие иногда мыслили разумно, а иногда несли бред; я старался – правда, не особенно усердно – следить за культурной жизнью Шотландии.

Но всегда есть нечто большее. И всегда есть нечто иное. Думаю, заядлый альпинист может обладать теми же общими знаниями, которые я признал у себя выше, но из-за своего увлечения он совершенно по-другому определять суть Шотландии; альпинисты мыслят покоренными и непокоренными вершинами, хранят яркие воспоминания о тропах и горах, в их личной географии Шотландия представлена западом, центром и северо-западом (и вообще география физическая для них будет важнее любой другой). А на внутренней карте, например, гольфиста основными будут совершенно другие области – юг, восток и северо-восток. Профсоюзный деятель, в свою очередь, выделяет для себя совершенно иные регионы: центральный промышленный пояс или же значимые для рабочих места, такие как порты и заводы электронного оборудования. Каждая профессия, каждая сфера научного или человеческого интереса формирует собственную модель страны; у каждого жителя картина мира будет отличаться от той, что в голове у других, но при этом совпадать в общих чертах с представлениями тех, кто разделяет его профессию, досуг или увлечение.

Так вот, виски. Точнее, его изготовление. Скотч продвигают и продают по всему миру, но, по закону, производить могут только в Шотландии; так что в центре этой системы стоит относительно небольшая страна, а если конкретно, то около сотни скромных, обычно захолустных городков, где на заводах работают всего по десять-пятнадцать человек.

Конечно, есть еще виски из Ирландии и Японии, бурбон из Штатов, и по всем признакам, кроме названия, это тоже скотчи, тоже по-своему хорошие напитки (а некоторые сорта хороши по любым меркам), но эта книга – именно о

шотландском виски, о шотландцах, о Шотландии; познавая процесс изготовления скотча, его историю, его связь со страной, его значение для жителей здешних и чужих краев, можно познать землю, в которой его делают, и людей, которые к этому причастны.

А значит, кроме поисков идеального виски мне предстоит поиск совершенно особого напитка.

Я никогда его не пробовал, мне никогда его не предлагали и почти ничего о нем не рассказывали, но уверен, что где-нибудь кто-нибудь обязательно занимается подпольным производством, то есть гонит такой продукт, какой делали в старину, прежде чем его сначала запретили, а потом легализовали, прежде чем этот кустарный промысел обложили налогами, прежде чем он превратился в индустрию (данное слово употребляется здесь достаточно вольно, учитывая относительно скромные масштабы, а также признаки искусства, присущие этому процессу). Должна же где-то быть подпольная вискикурня, и, безусловно, не одна.

Мне хочется увидеть ее в действии, но я согласился бы ограничиться дегустацией готового продукта (если, конечно, от этого не потеряю зрение или еще кое-что). Охотно побеседую с хозяевами, если смогу их убедить, что не настучу в таможенно-акцизную службу, но опять же, мне в первую очередь важно ощутить вкус, потому что он в известной мере будет вкусом прошлого, привязкой к той местности, откуда пошел сегодняшний виски.

Помимо прочего, хотелось бы понять, почему в Шотландии так мало подпольного виски. В особенности почему он встречается намного реже, чем его ирландский эквивалент – самогон «потин»? Поживите некоторое время в Ирландии – да что там, поживите некоторое время в Шотландии, – и вам рано или поздно предложат ирландский «потин»: всегда найдется человек, у которого есть знакомый, у которого есть другой знакомый… Но за тридцать с лишним лет случайных, а подчас запланированных, а иногда и долгожданных возлияний, которые происходили в каждом уголке Шотландии, я не могу вспомнить ни разу, когда бы мне предложили домашний виски, изготовленный прямо там, на месте. И с моими друзьями такого тоже не случалось. Мне это кажется странным. А учитывая пристрастия некоторых моих друзей, так просто диким.

Я даже готов поверить, что мне, скорее всего, десятки раз наливали, так сказать, «вискин», и я охотно его пил, но всякий раз по какой-то причине утром

не мог этого вспомнить; впрочем, это абсурдная мысль – придет же такое в голову… Все, проехали. Пожалуй, вообще вырежу этот кусок из рукописи. Решено: удалю его завтра с утра, когда буду редактировать написанное сегодня вечером.

Что и говорить, «сбор материала» – это потрясающая штука. Теперь, изучив множество книг о виски, я знаю, что шотландский самогон зовется питрик[26 - Питрик – от англ. peat («торф») и reek («запах, душок»).], то есть «торфяной душок».

Питрик. Старинное слово, почти вышедшее из употребления, но это термин для обозначения цели моих поисков. На самом деле оно мне даже нравится. Как и многие другие писатели, а также немалое количество читателей, я, можно сказать, коллекционирую слова, и «питрик» кажется мне достойным экземпляром для коллекции.

Но вот сам питрик никак себя не обнаруживает. По крайней мере пока. Я навел справки, обронил пару намеков, но все безрезультатно. Вообще-то, я и не надеялся, что подпольное вискикурение будет развито на Айле просто потому, что там много легальных дистиллерий (на самом деле любой специалист в данной области может обеспечить себе спокойное и безбедное существование, работая официально). Да и вообще Айла всегда выглядела довольно цивилизованным местом в сравнении с некоторыми другими регионами, которые обычно ассоциируются у меня с производством виски. Иногда кажется, что Айла – это вообще часть центрального пояса Шотландии, особенно по контрасту с Внутренними и особенно Внешними Гебридскими островами.

А с другой стороны, если работника дистиллерии захватывает технически совершенный, с его точки зрения, производственный процесс, то он, возможно, не захочет прощаться с ним и после работы, чтобы просто валяться перед теликом; не исключено, что попробует организовать небольшую вискикурню где-нибудь в лесу, просто чтобы проверить, можно ли самостоятельно получать чистый продукт, применяя свои навыки в ином масштабе. В конце концов, на острове полно скалистых участков и нехоженых мест. Я в одиночестве съездил на Оа (Оа) – округлый полуостров, который торчит, как опухоль, в юго-восточной части тела Айлы, указывая в сторону Ирландии, – увидел там в фантастически изрезанной прибрежной полосе заманчивые скалы, крутые склоны, морские утесы, размывы и пещеры в обрамлении покрытых желтоватой пеной валунов. Спрятать там вискикурню – проще простого. Поверьте, ухабистая односторонняя

дорога способна как нельзя лучше отогнать налогового инспектора, берегущего амортизаторы и тормоза служебной машины.

И хотя я побывал на этом – далеко не огромном – острове уже четыре раза, там все равно остались дороги, по которым я не ездил, и масса холмов и озер-лохов, к которым даже не приближался. Да, в этих холмах бродят и трудятся пастухи, лесники, егеря, но тем не менее…

В общем, если здесь и творятся темные дела, никто – и, наверное, это мудро – о них не распространяется, особенно в разговоре с туповатым и самонадеянным писателишкой из Файфа, который шляется по дистиллериям. Неважно, что я пишу книгу, что собираю для нее материал, – для местных я просто турист. Впрочем, здесь и туристом побыть приятно.

Был момент, когда мы почувствовали всю прелесть этих древних полузаброшенных мест. Вернувшись с Джуры, мы с Энн и Оливером выгрузились с парома, съехали с шоссе и добрались до небольшого лоха под названием Финлагган (Finlaggan) у низких холмов неподалеку от Баллигранта (Ballygrant). Там, на небольшом островке, куда прежде вела осушенная насыпь, недавно уступившая место новеньким деревянным мосткам, когда-то располагался политический и духовный центр этой Королевы Островов.

Это было еще в те времена, когда Шотландия якобы была едина, но все равно делилась на разные земли – этакие небольшие примитивные автономии, где правили вожди или кланы. Наиболее обособленным, практически независимым было Королевство Островов. В тот период социальная, политическая, экономическая и военная сплоченность обеспечивалась за счет доступа к морю и с моря. На хорошем судне можно было приплыть на любой берег со своими людьми и орудиями, но вот для того, чтобы преодолевать леса, скалы и болота, приходилось либо прорубать новую тропу, либо пользоваться той, которую враги знали намного лучше. Так что море, вместе с многочисленными озерами и заливами Шотландии, открывало широкую дорогу тем, у кого был талант морехода.

Финлагган какое-то время оставался центром небольшой морской империи. Можно стоять там в старой часовне или на руинах домов и укреплений, в тишине глядя по сторонам, наблюдать, как ветер гнет деревья, а мимо проплывают лебеди, задумчиво рассматривать старые могильные камни и пытаться представить тех, кто обрел под ними вечный покой.

Надгробья, хранящие образы давно умерших, защищены от непогоды плексигласовыми колпаками на толстых металлических ножках. Это зрелище напоминает низкие, довольно сюрреалистические кофейные столики или, как ни удивительно, произведения искусства.

Дома мы по телевизору смотрим, как развивается война. Все еще никаких ядерных ракет, никаких биологических атак, никакого химического оружия. Однако уродливые мутации, яды и проявления агрессии заметны, хотя и не там, где все их ищут. Гэри Янг, прославленный корреспондент «Гардиан», недавно переехал в Штаты и теперь рассказывает, как война повлияла на жителей США. По его словам, некий адвокат пришел в торговый центр в футболке с надписью «Give Peace a Chance»[27 - Give Peace a Chance (англ. «Дайте миру шанс») – название песни Джона Леннона, которая с 70-х годов XX века является гимном антивоенного движения в США.] на груди и с пацификом на спине. И охранник поставил ему ультиматум: либо снять футболку, либо немедленно покинуть здание. Адвокат заявил, что его свобода слова гарантирована Конституцией США (у меня много претензий к современной Америке, но я всегда восхищался тем, как серьезно и искренне американцы относятся к своим правам и требуют их обеспечения). Однако теперь многое изменилось. Охранник позвал копа, и тот, не задумываясь, арестовал адвоката.

Прощай, «свободных страна»…[28 - …«свободных страна» – фраза из строки государственного гимна США «Звездно-полосатый флаг»: «Там, где дом храбрецов, где свободных страна» (пер. М. Наймиллера).]

5. В сердце воды

Так вот. Гленфи?ннан (Glenfinnan). В Шотландии достаточно мест, претендующих на звание комариной столицы, и Гленфиннан в их числе. А еще тут часто идут дожди. Когда мой приятель Лэс приехал учительствовать в Форт-Уильям (Fort William), в первые полтора месяца его пребывания ежедневно лил дождь. Нет, конечно, до библейского потопа дело не доходило (или, по крайней мере, доходило не каждую неделю), но раз в сутки на город непременно обрушивался хотя бы один ливень. А в большинстве случаев – намного чаще. Даже человеку, который вырос в Гриноке (Greenock), показалось, что это

перебор.

Думаю, нужно объяснить тем, кто не очень хорошо разбирается в рейтинге шотландских регионов с дрянной погодой, что Гринок в западной Шотландии считается дождливым местом (запад Шотландии известен по всей стране как место, где выпадает довольно много осадков; наверное, не будет ошибкой сказать, что и вся Шотландия воспринимается как регион более дождливый, чем остальная Британия, а сама Британия явно не может бороться за первенство в списке ассоциаций, связанных в голове простого туриста со словами «пустыня» и «засуха»).

По сути, Гринок – это шотландский Манчестер. Вся страна шутит по поводу частоты тамошних дождей.

Такое место есть в каждой стране. К примеру, в Норвегии это Берген. Когда я попал туда в 1975-м, путешествуя автостопом по Европе, мне довелось услышать первый – и на долгое время единственный – норвежский анекдот. Житель Осло решает провести отпуск в Бергене. Две недели без остановки льет дождь. Отпуск заканчивается, мужчина на вокзале ждет поезда, отряхивает зонтик, поправляет галстук, а потом видит маленького мальчика и спрашивает:

– Скажи-ка, мальчик, в Бергене когда-нибудь кончается дождь?

На что мальчик отвечает:

– Не знаю, мне всего пять лет.

Видимо, чтобы оценить этот юмор, нужно побывать в тех краях. Если ты промок до нитки, да к тому же постоянно живешь внутри черной тучи, где все погодное разнообразие состоит лишь в том, что на время шестимесячной зимы ливень превращается в обильный снегопад, то, думаю, будешь цепляться за любую соломинку, лишь бы развеять тоску.

Но все равно, полтора месяца без единого ясного дня – это, наверное, рекорд даже для шотландского запада; может быть, этот факт вызвал бы ажиотаж в Форт-Уильяме, надумай кто-нибудь еще, кроме Лэса, заняться подсчетами. Он-то уже начал думать, что где-то ошибся. Однако прошло немного времени – и приятное, теплое, солнечное лето (нет, точнее, короткое, но долгожданное

бабье лето; ну ладно-ладно, просто не такие холодные и не целиком дождливые выходные где-то в конце октября) немного потеснило полную безысходность. Из окна своей квартирки Лэс и его будущая жена Айлин несколько лет смотрели, как грозовые тучи уплывают на юг по Лох-Линне (Loch Linnhe), а потом решили купить где-нибудь дом. Айлин, тоже педагог, выросла в Камбернолде (Cumbernauld), где дожди такая редкость, что в списке дежурных тем среднего жителя тех мест погода, вероятно, занимает позицию лишь парой строчек выше, чем в репертуаре обыкновенного шотландца.

Естественно, после таких дождей Лэс и Айлин хотели перемен и потому выбрали местечко милях в пятнадцати от Форт-Уильяма. И правда, там совершенно другой микроклимат, там совершенно по-иному ведут себя унылая морось, косые струи, настырный ливень и внезапные, но продолжительные грозы, от которых разверзаются все хляби небесные, потому что в Гленфиннане дождь – непревзойденный мастер своего дела. Люди, которым посчастливилось родиться и вырасти в Форт-Уильяме в особенно ужасные с точки зрения осадков десятилетия (и на собственной шкуре узнать, каково постоянно жить под черными хранилищами дождевой воды, не жалеющими своих мегатонных запасов и метящими тебе за шиворот), начинают, как известно, бледнеть и заикаться, когда сталкиваются с перспективой провести в Гленфиннане дольше, чем требуется для того, чтобы по лужам проехать через него на машине.

Гленфиннан в особенно величественные периоды своего существования официально признавался самым дождливым местом Британии. Утверждают, что в Озерном крае имеется деревушка, которая иногда бьет его в споре о том, где мокрее, однако, по слухам, такое бывает лишь в тех случаях, когда осадкометр в этом скорбном поселении случайно падает в озеро и дает неверные, даже нечестные показания (по крайней мере так вам скажут гордые своей сыростью жители Гленфиннана: они ни за что не уступят звания, которое упало им с неба и удерживается ценой страданий).

Несмотря ни на что, я езжу в Гленфиннан уже почти двадцать лет. Обожаю это место, и, как ни удивительно, в большинстве моих воспоминаний потрясающие, великолепные, захватывающие дух местные пейзажи залиты высоким солнцем, а на идеально голубом небе нет ни тучки.

Да, сам в шоке.

Но постой-ка, кабы не дожди, у нас в Шотландии не хватало бы воды для производства такого количества виски, правда? И вообще, если бы кельтам не требовалось облегчать тяготы жизни, отчасти обусловленные дрянной погодой, то виски, скорее всего, так и не был бы изобретен. Представь: сидишь целыми днями в холодной, сырой лачуге, завернувшись в огрызок, с позволения сказать, пледа, среди запаха навоза и горящих торфяников, рядом жена причитает по сестрам, умершим родами, а исходящие нутряным кашлем дети тайно прикидывают, когда же можно будет сбежать в Равнинную Шотландию или в Америку, оставив тебя без помощи по хозяйству. Тут поневоле задумаешься о том, как облегчить свое прямо-таки кошмарное существование, пусть даже за счет употребления самостоятельно изготовленных бодрящих веществ.

Это второй бич Гленфиннана, но хватит о грустном. В конце концов, дождь не так уж и страшен. Надень куртку с капюшоном, возьми зонт – и все в порядке. Важнее другой вопрос – эти гаденышы-комары.

Комар: микроскопическое бедствие огромных масштабов

Комары Шотландского нагорья (есть и другие виды, но пока сосредоточимся на главных злодеях) – это мелкие летучие насекомые, способные отравить человеку вечер, день, неделю и даже целый отпуск. По сути, это микроскопические вампиры: оплодотворенным самкам нужна кровь, чтобы произвести на свет потомство, и они предпочитают кровь крупных млекопитающих, особенно крупных млекопитающих почти без меха. Другими словами, нашу.

Это ничтожные хлипкие твари, неспособные летать быстрее шести миль в час: их сносит даже легкий ветерок, человек с успехом может от них убежать, да к тому же им вредит яркое солнце. Но несмотря на все слабости, они наносят мощный удар по туристическому бизнесу западной Шотландии, да и по уровню жизни большинства местного населения. Комары бы с радостью отравляли лето всей Шотландии, но им нравятся только те места, где осадков выпадает больше 1250 миллилитров в год, а в Шотландии это область, где преобладают западные воздушные потоки.

Плодятся они лучше всего в торфяной кислотной почве, где много стоячей воды, предпочитают спокойные пасмурные дни и приятные вечера, а появляются

обычно в конце мая и бесчинствуют до начала сентября. Их тучи ненасытны. В старину горцы применяли особо жестокое наказание: провинившегося раздевали, привязывали на ночь к столбу и оставляли на съедение комарам. Каждый комариный укус лишает человека примерно одной десятимиллионной литра крови, так что даже после десяти тысяч укусов умереть от потери крови нереально, зато у жертвы якобы высоки шансы сойти с ума. Любой, кто хоть раз на несколько минут попадал под атаку комаров, особенно когда они лезут в глаза и в нос, прекрасно это поймет.

Есть, однако, два спасения: одно – для тех, кто приезжает в Хайленд всего на несколько дней, а другое – для всех остальных. Первое заключается в том, что главным раздражителем является не сам укус, а реакция организма, но для того, чтобы эта реакция выработалась, требуется два-три дня, так что если ты на побережье всего на пару дней, то, может, вообще этих чертей не заметишь. Второе – это изобретенный каким-то гением фумигатор, который действительно помогает. Это устройство выбрасывает углекислый газ, он приманивает комаров, которым чудится выдох большого сочного млекопитающего, а потом небольшой пылесос засасывает этих паразитов. В итоге можно очистить большой участок серьезно зараженной комарами местности и даже – предположительно, только предположительно – сделать так, чтобы постояльцы гостиниц и местные жители могли провести вечер на природе. Если все это работает на практике, а не только в управляемых условиях, то изобретатель или изобретательница заслуживает мультимиллионных вознаграждений и памятников везде – от Странрара (Stranraer) до Аллапула (Ullapool).

Так или иначе, Гленфиннан – это комариный центр Шотландии. Как-то мы пошли поужинать и оставили окно открытым. Когда мы вернулись, в углах и на потолке сидело такое множество комаров, что казалось, будто кто-то взял баллончик и не торопять распылил по комнате черную краску. Мы застыли, как истуканы, но Айлин, предвосхитив изобретение нового антикомариного устройства, взяла пылесос и засосала этих кровопийц.

Между прочим, комары также подталкивают к алкоголю – разумеется, как к обезболивающему средству. Я даже слышал, что некоторые обтираются виски, используя его как репеллент, хотя тут нужно отметить несколько моментов: а) надеюсь, для этого используются только купажи, б) такие меры оправданы лишь в самом отчаянном положении и в) доказательств, что это помогает, почти нет.

Мы вернулись домой, в центр страны, между Айлой и Спейсайдом. Война продолжается. Буш и Блэр встретились в Кемп-Дэвиде[29 - Кемп-Дэвид – загородная резиденция президента США.], чтобы заверить мир, что дела идут прекрасно и гнусное оружие массового уничтожения будет найдено совсем скоро, буквально вот-вот.

Я смотрю на Блэра и ненавижу его самодовольную рожу, всегда готовую поцеловать задницу Буша, как раньше ненавидел только Тэтчер. А Дубья видится мне просто грустным мудачком с перепуганными глазами, папенькиным сынком, который сам ни на что не способен, который всю свою никчемную жизнь рассчитывал, что его протолкнут на очередную, хотя бы самую презренную, должность, и который, похоже, начинает просыпаться и понимать, что если самое могущественное государство на Земле (причем самое могущественное типа за всю историю, чувак) дает власть такому, как он, то мир, наверное, сходит с ума. Дубья – это самое ужасное, что только может быть, по крайней мере, на таком уровне власти и влияния. Несгибаемый, стопроцентный, беспросветный середняк, случайно забравшийся на самую вершину.

Ладно. Хватит об этом. Мне предстоит новый этап сбора информации о виски. Нужно встретиться с друзьями, поездить на машинах, изучить новые дороги, завести новые знакомства, осмотреть дистиллерии, выпить и повеселиться, а еще купить бутылочку в каждой вискикурне на своем пути. Так что нельзя зацикливаться на том, что мои налоги помогают каким-то уродам вести войну. Черт возьми, надо будет в следующий раз попробовать убедить налогового инспектора, что купленный виски остро необходим для написания книги, а потому должен быть отнесен к производственным расходам. (У меня была мысль записать эти расходы на счет издательства, но стоило мне об этом заикнуться, как редактор Оливер слегка побледнел, так что лучше я попробую договориться с ребятами из налоговой.)

Этот этап исследовательского путешествия мы решили пройти на BMW M5. Мне всегда нравились большие и быстрые машины. BMW пятой серии – это довольно крупные автомобили (не так давно они бы считались просто крупными), а M5 в своей линейке – самая быстрая. Эта модель обладает всеми качествами пятой серии, такими как хороший дизайн, хорошая сборка, хорошая динамика, очень надежный двигатель со всеми наворотами, которые уже стали привычными в новых машинах, но в M5 все интереснее, потому что под капот спрятан чумовой пятилитровый восьмицилиндровый двигатель, в котором 400 лошадей. Да, мощь имеет оборотную сторону, но все равно такой движок трудно не любить. Ну, по

крайней мере, пока не понадобятся тормоза, которые в M5 такие же мощные.

M5 была первым автомобилем, с которым мне хватило терпения детализировать комплектацию, заказать и получить готовую машину. Думаю, я просто привык покупать подержанные тачки, а в этом деле медлить нельзя – сегодня машина продается, а завтра уже нет. Когда же у меня появились деньги на новую машину (то есть когда их стало слишком много – потому что люди, которые тратят с умом, наверное, всегда покупают подержанные), а особенно когда появились деньги на машину высокого класса, которую не всегда можно забрать сразу, я не хотел ждать год в очереди и обычно либо брал демонстрационный вариант, либо выкупал заказ, от которого кто-то отказался.

Именно таким образом я купил «Порше 911», у которого был, как до сих пор утверждает Энн, оранжевый салон. Я возражаю, что это цвет обожженной глины, но его броскость сыграла свою роль, когда было решено обменять «Порше» на M5. Мы заказали черный вариант с черно-синим кожаным салоном и тонированными задним и боковыми стеклами. Окна, правда, стали ошибкой: они оказались темнее, чем мы ожидали, так что машина смахивала на гангстерскую, но это пустяки, ведь за рулем темного стекла не видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/ien-benks/chistyy-produkt-v-poiskah-idealnogo-viski/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Односолодовый виски (или молт) – виски, представляющий собой чистый солодовый спирт определенного сорта, не разбавленный водой и не смешанный с другими сортами. Купажированный виски (или купаж, бленд) – виски, для получения которого смешиваются разные молты, возможно, с добавлением воды для регулирования крепости.

2

…мы с женой разрезали свои паспорта… Подлинное событие. В 2003 году И. Бэнкс с женой действительно порвали свои британские паспорта и отправили обрывки в резиденцию премьер-министра Великобритании, протестуя против участия британских войск во вторжении в Ирак.

3

Остров Айла (Islay) – англичане в отличие от шотландцев произносят название этого острова «Айлей». Об этом см. ниже.

4

Шотландский пирог – небольшой закрытый пирог с начинкой из баранины или другого молотого мяса.

5

Буз-круиз (букв. «алкогольный круиз») – водное путешествие, во время которого можно купить алкоголь и табачные изделия по сниженным ценам.

6

…записанные еще до Первой войны в Заливе. – Речь идет об операции «Буря в пустыне» (1990–1991), в ходе которой войска международной коалиции во главе с США выбили иракские части из захваченного ими Кувейта и нанесли Ираку военное поражение.

7

Лаченс Эдвин (1869–1944) – крупнейший представитель архитектуры британского неоклассицизма. Президент Королевской академии художеств с 1938 г. Один из создателей современного типа комфортной пригородной усадьбы.

8

Роджерс Ричард (р. 1933) – титулованный британский архитектор, один из зачинателей стиля хай-тек. При его участии спроектированы такие здания, как Центр Помпиду в Париже, выставочный зал «Купол тысячелетия» и штаб-квартира страховой компании «Ллойд» в Лондоне, Европейский суд по правам человека в Страсбурге и мн. др.

9

Максвелл Роберт (1924–1991) – медиамагнат, глава издательства «Макмиллан» с 1988-го по 1991 год. Погиб при невыясненных обстоятельствах во время морской прогулки на яхте.

10

«Вспомни о Флебе» – роман, опубликован в 1987 г. Русские издания: Бэнкс И. Помни о Флебе / Пер. А. Миллера. М., 2002; Бэнкс И. Помни о Флебе / Пер. Г. Крылова. М.-СПб., 2008.

11

ДЕФРА – Департамент по защите окружающей среды, вопросам продовольствия и сельского хозяйства, подразделение Министерства сельского хозяйства Великобритании.

12

Серенгети – национальный парк в Танзании, где поддерживается естественная экосистема одного из географических регионов Африки.

13

«Осиная фабрика» – роман, опубликованный в 1984 году. Русское издание: Бэнкс И. Осиная фабрика. СПб., 2003.

14

«Канал грез» – роман, опубликованый в 1989 г. Русское издание: Бэнкс И. Канал грез. М., 2003.

15

Корриврекан — морской водоворот в Шотландии, между островами Скарба и Джура. Туристическая достопримечательность.

16

«Наркотики? Просто скажи “да”» – обыгрывается известный слоган «Наркотики? Просто скажи “нет”».

17

«Шок и трепет» – американская военная доктрина «окончательного решения» иракского вопроса, то есть свержения Саддама Хусейна. Разработана в 1996 году, воплощена в жизнь в 2003 году. Собственно военная операция против Ирака называлась не «Шок и трепет», а «Иракская свобода».

18

Источником прозвища Дубья, или Дабья, стала небрежная техасская манера произнесения начальной буквы второго имени Буша – дабл-ю.

19

…провести смену режима в другой стране. – Имеется в виду свержение режима талибов в Афганистане.

20

Буш проиграл выборы и все равно занял президентское кресло. – На президентских выборах 2000 года Джордж Буш-младший получил меньше голосов избирателей, чем демократ Альберт Гор. Но поскольку выборы в США не прямые, это не помешало Бушу стать президентом. Кроме того, кампания 2000 года сопровождалась грандиозным скандалом в штате Флорида (где и была решена судьба выборов): противники Буша обвиняли губернатора Флориды, брата Джорджа Буша, в масштабных фальсификациях в пользу республиканского кандидата. Это повлекло за собой многочисленные решения судов о пересчетах голосов в штате, которые давали преимущество то Бушу, то Гору, пока Верховный суд США не принял (большинством в один голос) решение пересчеты прекратить и признать последний результат (в пользу Буша) окончательным.

21

«Пособник» – роман, опубликованный в 1993 году. Русское издание: Бэнкс И. Пособник / Пер. С. Буренина и Г. Крылова. М.-СПб., 2009.

22

Лессинг Дорис (1919–2013) – знаменитая английская писательница, писала в том числе фантастическую прозу. Лауреат Нобелевской премии по литературе 2007 года.

23

Бестер Альфред (1913–1987) – американский писатель-фантаст, лауреат литературных премий «Хьюго» и «Небьюла», автор романов «Человек без лица», «Тигр! Тигр!» и других произведений.

24

«Сентр-Пойнт» – офисное здание в центре Лондона, один из первых небоскребов британской столицы.

25

Майкл Джон Харрисон (р. 1945) – британский писатель, автор цикла романов «Вирикониум». Лауреат литературных премий по фантастике (премия имени Артура Кларка 2007 года и премия имени Филипа Дика 2008 года). Харрисон профессионально занимается альпинизмом и скалолазанием и пишет о них. Фантастические произведения подписывает как М. Джон Харрисон, книги по альпинизму – как Майк Харрисон.

26

Питрик – от англ. peat («торф») и reek («запах, душок»).

27

Give Peace a Chance (англ. «Дайте миру шанс») – название песни Джона Леннона, которая с 70-х годов XX века является гимном антивоенного движения в США.

28

…«свободных страна» – фраза из строки государственного гимна США «Звездно-полосатый флаг»: «Там, где дом храбрецов, где свободных страна» (пер. М. Наймиллера).

29

Кемп-Дэвид – загородная резиденция президента США.

Купить: https://tellnovel.com/ien-benks/chistyy-produkt-v-poiskah-idealnogo-viski-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити